ГЕРОИ НЕ УМИРАЮТ

М·ШУШАРИН

АЛЕКСАНДР ЮДИН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Каждую весну здесь буйно цветет сирень. Склонившись над памятником, печально шепчутся тополя.

Более двухсот героев погибли в селе Мокроусово Курганской области в дни гражданской войны. Среди них комиссар Первого Крестьянского Коммунистического полка «Красные орлы» Александр Алексеевич Юдин, командир второй бригады 29-й дивизии Николай Павлович Захаров и другие.

Героической судьбе Александра Юдина — матроса-черноморца, человека большой души — посвящена эта книга.

Автор книги, журналист М. Шушарин, выражает глубокую благодарность Ф. И. Голикову, бывшему пулеметчику полка «Красные орлы», ныне Маршалу Советского Союза, бывшему начальнику штаба полка, ныне полковнику в отставке Л. А. Дудину; свидетелям тех событий: А. П. Ильиных, И. М. Куликову, А. Д. Могильникову, И. Г. Скурихиной, П. А. Балину, В. Т. Зеленину, Г. И. Тройнину; работникам Курганского государственного и партийного архивов, работникам Одесского, Киевского, Свердловского, Пермского, Тюменского государственных архивов; родственникам А. А. Юдина — Л. Живцовой и Т. Сомовой — за помощь, которую они оказали при создании книги.

- Александр Юдин
  -
  - I. ВАСИЛЬКОВСКИЕ ВЕСНЫ
  - II. ФЛОТ
  - III. КУРГАН — ВАСИЛЬКИ
  - IV. „КРАСНЫЕ ОРЛЫ“
  - V. ЛЮДИ, ПОМНИТЕ!
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11

- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34

Александр Юдин

Он каким-то чутьем понимал интересы своего класса.

Ненависть к классовому врагу у него была глубокой, сильной и действенной, но без размена на медяки.

Он умел выделять главное, не путаясь в мелочах.

П. П. Бажов. «Бойцы первого призыва»

I. ВАСИЛЬКОВСКИЕ ВЕСНЫ

1

Саня всматривался в оранжевую даль и вздыхал. В черных внимательных глазах его не было ничего от детства: взрослый, тревожный прищур морщил лоб.

Там, где висело солнце, вставали березовые колки, а из-за них вылетала желтая дорога. Саня смотрел туда, где она терялась. По этой дороге из его родных Васильков должны были прийти к нему, на двести восемьдесят пятую версту чугунки, старшие братья и отец. Саня устал от непосильных тачек, а отец и, братья все не шли.

Под жгучим солнцем горел солончак, горячий ветер играл песком, по степи мячом скакало перекати-поле, и мужики, паужинавшие[1] под сизыми кустами, крестились, испуганно вглядывались в горячее небо:

— Господи, неужто опять недород?

Саня лег на спину, облизнул пересыхающие губы и закрыл глаза.

И встали в туманном мареве его родные — отец Алексей Григорьевич Юдин, мать — Авдотья Васильевна и братья — Тимофей, Семен, Михайло. Домишко, спрятавшийся в тополя… Говорливые васильковские бабы, степенные мужики… И сама деревня, бойкая, клубящаяся по утрам дымом, наполняющаяся ревом скота и деловитой воркотней голубей на крышах.

Вначале Васильки назывались не Васильками, а Выселками: выселилось несколько мужиков на приволье, к озеру, образовали новое поселение. А потом название все по-новому произносили, и получилось так: Выселки — Василки, Васильки.

От Васильков в разные стороны разбегаются дороги: на покосы, на пашни, в соседние села. То и дело по какой-нибудь из них ползут телеги крестьянские, или, вздымая тучи пыли, несутся на взмыленных конях купцы на ярмарку. Зимой, потрескивая полозьями, уныло тянутся подводы, груженные мороженым мясом, пшеницей и маслом. …Вот отец-печник изладил печки подрядчику Елионскому на полустанке Варгаши и, «пустив дым», ждет расчета, весело мурлыча свою любимую песню:

Словно голубь, ой да за голубкой,
Он ухаживал за ней!

У подрядчика очки без оглоблей, за переносицу защипнуты, а под очками глаза хитрые и злые, как у коршуна.

— Я с тобой расчелся, Григорич? — спрашивает он отца, подаивая русую бородку.

— Не совсем, господин подрядчик.

— Как это, не совсем?

— А так. За третью печь ни гроша не платили!

— Не ври-ко, братец, не гневи бога! — глаза у подрядчика потемнели, и нос стал острым.

— Мне бога гневить не к чему. Он мне и так не шибко большое наследство отказал, а вот ты посовестился бы! — отец крепко сжимает в жилистой руке сечку, встает. — Айда, Саня, отсюдова! Это же разбойник!

— Иди! Иди! Катись, ишь ты, свола-а-а-чь! Много тут вас, охотников, на казенную-то деньгу! — распаляется подрядчик.

…Потом они плывут по голубому васильковскому озеру. Озеро тихо-тихо разговаривает с Саней, и Саня трогает загорелой рукой теплую зеленоватую воду. Отец гребет с напором, брызги от весла падают на вихрастую Санину голову.

— Тише, тятя! — улыбается Саня. — Зальешь ненароком рубаху.

Но отец на эти слова не обращает внимания. Капли капают, превращаясь в ручейки, ручейки текут по шее, под рубаху, к пояснице, а потом вода заливает лицо, шею, грудь…

2

Саня вскакивает под громкий смех мужиков. Перед ним хитрые глаза подрядчика. Он с ведром в руках. Поодаль к большой развесистой березе привязан серый, в яблоках, жеребец, запряженный в дроги.

— Ха-ха-ха! — потешаются мужики.

И подрядчик, показывая мелкие прокуренные зубы, тоже заливается со смеху.

— Ишь ты, какой! Ха-ха-ха! Спать сюды приехал! Много вас, охотников, на казенную-то деньгу! — повторяет он заученную фразу.

Мокрый и жалкий, Саня вздрагивает всем телом, и непонятно: плачет он или смеется.

Потом на желтой дороге внезапно появляется старший брат Сани, здоровенный, чернобородый Тимофей. Тимофей — тертый калач: успел в Челябе, на отходничестве побывать, и в солдатах отслужиться. Он веселый, доброго нрава человек. Любит

рассказывать о своей жизни, а если ему подадут чарочку, поет хорошие песни.

— Пошто над мальцом изгаляешься? — мычит он сейчас зычным пьяным басом.

И кулаки у него сжимаются, дрожат.

— По то, што мальчонку робить заставляете, а сами пьете!

— Не твое дело.

— Не мое? Ну, ладно, пусть не мое! — ехидничает подрядчик.

Тимофей пьян. А пьяному море по колено. Тряся кудлатой головой, он идет на подрядчика и кричит, что есть мочи:

— Сволочи! Едете на чужом горбу, кровопийцы!

Подрядчик дрожит от негодования, бледнеет:

— К уряднику захотел? Так-с?

— А хучь бы и к уряднику!

— Молчать! Падло!

Тимофей на мгновение останавливается. Его плотной стеной окружают мужики, оттесняя от подрядчика.

— Не шуми, Лексеич! Плетью обуха не перешибешь! — уговаривают.

В это время подрядчик вскочил в ходок и, забыв о том, что конь привязан, ударил его плетью. Жеребец взвился на дыбы, порвал повод и понес вдоль полотна.

3

Васильки стоят почти в самом центре Западно-Сибирской равнины — страны озер, ковыльных степей и березовых колков. Как и многие другие сибирские поселения, деревня подковой огибает пресное озеро. На востоке виднеются луга, на запад глянешь — озеро.

Плесы, камыш!

Тихими летними вечерами занятно слушать камыш. Он шелестит таинственно, угрожающе. Ему вторит тихая волна, набегая парной грудью на берег. И больше ни звука! Птицы будто умирают в это время. Клубясь, ползет над водою теплый туман. И камыш, и вода, и все окружающее седеет…

Но недолго летом хмурится ночь. Зори, будто влюбленные, торопятся навстречу друг другу. И озера, и луга, и покосы преображаются, начинают жить.

Согнанные со всех окрестных деревень на строительство железной дороги мужики поднимаются рано, работают с натугой: надо во что бы то ни стало исполнить «уроки» — так заведено. Пестрые толпы их на много верст маячат вдоль насыпи.

Свалявшиеся бороды, голодные сухие лица. У кого конь «паровый» да здоровье ядреное, и то вытягивается в нитку, чтобы справиться с «уроками». Ну, а кто хил, да еще и у лошаденки ребра выпирают, бьется до того, что кровь из носу начинает бежать, а толку мало.

И плата за работу грабительская. От зари до зари ворочает мужик землю, а получает гроши. За развозку сотни шпал по линии подрядчик получает от казны полтора рубля, а мужикам платит двадцать пять, а то и двадцать копеек[2]. Кипит мужицкое нутро от обиды, да толк-то какой! Урядники, надсмотрщики, старосты — власть, а против «богом данной» власти не попрешь.

Перед петровым днем на двести восемьдесят пятой версте пошабашили рано. На участок прикатила дрезина с конторщиком, и начался расчет. Появились сыновья подрядчика Елионского с «монополкой». В наскоро сколоченном из горбыля кабаке, под сенью тальниковых кустов, шла бойкая торговля. Лишенные на стороне бабьего контроля многие кормильцы спустили в этот день все, что заработали за неделю, залезали даже в долги.

Гомонили по кустам.

Тимофей трижды подходил к конторщику:

— Юдин Тимофей Алексеевич и Александро Алексеевич.

— Нету в учете таких.

— Как же нету? Все лето работаем.

— Нету.

— А ну, проверь еще раз.

— Проверял уже, братец, нету.

— А как же нам быть?

Конторщик смеялся:

— А кто ее знает?

— Это подрядчик нам в отместку, — шептал Саня, взглядывая печальными глазами на брата.

— Стерва он. Кровосос.

— Может, сходить к нему, повиниться?

— Повинишься — всю жизнь красными слезами плакать будешь.

— Что же делать?

— Бросим все. Пусть нашими грошами подавится. После праздника в Курган отвезу тебя, там робить будешь.

Но вышло все по-иному. Когда вернулись домой, отец сказал:

— Рано еще по людям мотаться. Успеет, натрет холку. Пусть в школу идет.

4

Отец — Алексей Григорьевич — сухой, высокий старик. У него крепкие, узловатые пальцы, сивые усы и черные глаза. И сейчас рассказывают про Алексея Григорьевича такую историю. Однажды зимой он ехал из города в Васильки. Солнышко и тулуп нагнали на него сон, и он подремывал, примотнув к передку саней волосяные вожжи.

Около деревни Сычевой лошадь остановилась. Старик размежил веки и увидел стоящего на дороге парня, румяного и широкоплечего. Рядом с парнем стоял его конь.

— Здравствуй, дедушка! Милости прошу к нам на чай-сахар!

— Спасибо. Тороплюсь я.

— Успеешь.

— Давай в другой раз.

— Сейчас надо.

— Ну ты, давай не шути! — начал сердиться Алексей Григорьевич.

— Подожди, дед! Просьба у меня к тебе!

— Говори.

— Хочу с тобой побороться.

— Какой же я борец. Старик уж.

— Прости, земляк, но не проехало по этой дороге еще ни одного мужика, которого я не положил бы на лопатки.

Алексей Григорьевич засмеялся:

— Не шибко, видно, умны родители у тебя… Ты бы хоть ноги сосчитал у своего мерина… Сколько ног-то у него?

— Ха-ха-ха! — засмеялся парень. — У мово мерина были ноги, а сейчас одна здоровая осталась!

— А ты все-таки сосчитай. — Старик вылез из коробушки, схватил парня за опояску и швырнул в сугроб. — Это одна нога? Верно?

Парень остервенело кинулся на старика, но мгновенно улетел в сторону.

— Это другая, — сказал дед.

Потом он вытянул парня из сугроба и начал стукать его о твердую, укатанную санями, дорогу.

— Вот третья нога, вот четверта, вот пята!

На секунду оставив парня Алексей Григорьевич спросил:

— Так сколько ног у мерина?

— Пять. Ей-бо, пять, — взмолился парень.

— Ну вот. А ты говорил, что одна.

— Нет. Пять, ей-бо!

Алексей Григорьевич вскочил в коробушку, расправил вожжи и, обернувшись к плачущему парню, сказал:

— А ты не сердись. Я ведь не в обиду. Просто старуху свою

хотел удивить. Скажу ей, Что видел мерина с пятью ногами.

И уехал.

Природа наделила Алексея Григорьевича щедро: он и печник, и стекольщик, и плотничать может, и жестянничать. И грамоте мало-мало смыслит.

Санька и лицом, и статью, и ухватками весь в отца. Рослый и сильный не по годам. Судить-рядить со взрослыми мужиками начнет — послушать есть чего. Зря болтать не станет, скажет только дело, и всегда с разумом.

Думка о школе — заветная. Попасть бы, вот бы здорово!

У подрядчика Елионского три сына. Двое старших Шадринское реальное училище закончили, и лавочки оба имеют. А младший Иннокентий (Кешка по-деревенски) второй год в школе учится. В Ялуторовск уезжать собирается, по церковной части. Ходит по улице, выше крыши нос задирает.

— Темнота вы все и скоты! — так поговаривает.

Развитию народного образования в Зауралье царским правительством не уделялось почти никакого внимания. Программы церковно-приходских школ, а также и волостных, содержавшихся за счет подушной подати, сводились в основном к закону божьему, чтению церковных книг да четырем действиям арифметики. Обучением в Курганском уезде в 1895 году была охвачена лишь десятая часть детей школьного возраста. Среднее число грамотных в России составляло 18 процентов, а в Курганском уезде только 7.

Школа в Васильках открылась в 1892 году. Ее построили всем обществом на окраине села, среди тихих берез. Учительницу Евгению Ивановну Терехову привезли из соседнего волостного села Моревского.

Учился Саня с большой охотой. Но мир раскрывался перед любознательным мальчуганом только с одной стороны. Слишком не похожа была сама жизнь на ту, о которой говорила Евгения Ивановна.

Однажды на уроке он спросил Евгению Ивановну:

— Почему попам да богатеям яства заморские и еды всякой полно, а у нас даже кулаги[3] на всех не хватает?

В классе сначала повисла таинственная тишина, а лотом все начали хохотать. Евгения Ивановна покраснела, на глаза навернулись слезы: этот Саня, он хотя и не нарочно, но нарушал порядок!

Поднялся из задних рядов Кешка Елионский, чистый, румяный, с лицом, похожим на образ троеручной богородицы, и сказал — огнем опалил:

— Это потому, чтобы такие, как ты, обормоты, не лезли в

попы!

И к учительнице:

— Евгения Ивановна, выгоните этого голодранца вон!

Но Саню не надо было выгонять. Он вспыхнул, как маков цвет, выскочил из-за парты и, круто шагнув к обидчику, влепил ему по физиономии. Кинулся к двери и убежал.

Это был последний школьный урок Александра Юдина.

Отец не ругал, не бил его. Он едва заметно погрустнел, но потом встряхнулся и сказал:

— Собирайся, на той неделе в Курган к Смолину отвезу. Не миновать, видно, нашей породе его, треклятущего!

Смолин[4] — курганский купец — был известен в уезде среди крестьян и работного люда как «добрый», но чудаковатый торговец. Причуды его были самыми невероятными. И допускал он их только лишь для того, чтобы позаигрывать с народом, скрыть истинное свое лицо.

Бывало так. Напившись вдосталь, запрягал тройку белых коней и гнал по Троицкой улице, на базар. Въехать норовил обязательно со стороны горшечного ряда. Кони летели вскачь по обливным корчагам, ладкам и горшкам, вдребезги разбивая запасы торговцев.

Горшечники плакали притворными слезами: притворялись они потому, что знали — Смолин за плату не постоит. Оплатит втридорога и быстро. Торопились завозить новые партии горшков, приговаривая: «Авось Петруша еще запьянствует».

Перед голодным 1911 годом Смолин соорудил у себя в доме бассейн, облицевав его внутри разноцветной малахитовой плиткой. Вереница баб и несколько водовозов почти два дня заливали искусственный водоем тобольской водой. А потом в домашнее водохранилище запустили живых щук, окуней и ершишек. В течение всей зимы хозяин каждое утро, накинув на плечи бухарский халат, сидел с удочкой на берегу малахитового бассейна и, выловив две-три приморившихся рыбки, посылал за дружками, приказывал варить уху.

— Чудак ты! — смеялись над ним купцы.

— Это разве чудачество? В Тобольске городничий дворец на яичнице построил. Вот это чудо!

5

Работал Саня Юдин на Смолинских заимках. Ходил в пестрядинных коротких штанах, в такой же рубахе и босиком. Новые сапоги, нажитые впервые в жизни, надевал редко, носил

только по большим праздникам.

Строили на заимке пригоны. Рубили артелью из сырого неподсоченного сосняка крестовый дом, опять же предназначенный для наездов Петруши. Артельщики народ работящий, веселый, разбитной. Окончив работу, пили водку, садились на берег и играли в карты. Иногда пели песни. Все больше тюремные: «Ланцов от стражи убежал», «В воскресенье мать-старушка» или «Сижу за решеткой».

Саню они считали молчуном. Пьют-гуляют, а он сидит в одиночестве, подперев руками подбородок, смотрит на воду.

Очень хорошо понимал Юдин природу, по приметам безошибочно определял, какая завтра будет погода. Если ветерок шершавит воду, невидимкою бежит в камыше, соловьи или подсоловки рано начинают посвистывать, и камыш будто грозится, значит ночью падет роса. Тучи комаров столбом висят над водой, лезут к уху — «к-у-у-у-м», «к-у-у-у-м», плещется окунь на глубине, выскакивает наверх, и вода теплая, как щелок, — сети надо, ставить ближе к берегу.

6

Осенью, около мясоеда[5], приехал на заимку средний брат Михайло и отпросил Саню к покрову домой.

На покровских праздниках и столкнула Саню Юдина судьба еще раз с Кешкой Елионским. За прошедший год Кешка раздался в плечах, превратился с детину почти саженного роста и соответственно немалого веса. На верхней губе его черной гривкой поднялись усы, а глаза засветились решимостью.

В покров день позже обычного дымились трубы васильковских подворий, блинный запах шел по улицам. Нетрудно было понять, что деревня готовилась к празднику: отмолотились мужики, солому на гумнах уметали, излишки скота забили. Начиналось короткое, но обильное пиршество: пельмени стряпали в каждом доме, сивухой подзапасались все. Многие с утра ходили хмельные.

Парни вдоволь выспались и собрались толпой возле крестового дома сельского старосты. Кешка затеял спор. Он презрительно посматривал на своих сверстников и кричал:

— Я могу порвать веревку любой толщины! Лишь бы с разбегу!

Парни возражали. Некоторые, поплевываясь, отходили в сторону.

— Ну, несите веревку! — кричал Кешка.

Кто-то принес крепкую конопляную веревку, выговорив при этом с Елионского четверть водки. К месту спора собрались мужики, бабы, нарядные девки. Мужики вытащили шитые гарусом кисеты.

Веревку привязали между столбами у ворот старостиного дома на высоту груди. Кешка, отойдя от столбов сажен на шесть, грудью налетел на нее. Но веревка крепка. Невытянутая, она сильно пружинит, и Кешка, ударившись, мгновенно шлепается задом в снег. Поднявшись, он уже, как бы извиняясь, смотрит на хохочущих односельчан и разбегается еще раз. Безрезультатно… После третьего разбега сдается…

— А ну, кто порвет? Тому, ей-богу, заклад дам, вот трешница!

— Я порву! — глухо сказал Саня, войдя в круг.

— Ты? Да тебе ее сроду не порвать!

— Пусть попробует, — примирительно говорят, парни. — Все равно попусту!

Саня, насупившись, отошел в сторону. Разбежался. И с налету ударился о веревку так, что загудели столбы. Будто полоснутая ножом, она разлетелась пополам. Парни загалдели наперебой:

— Вот это да-а-а!

— Пропала веревка!

— Ничего, сростить можно.

— Проворный Сано!

Потом все стихли, наблюдая за Кешкой. Он хлопал о голенище плетью. «Полезет в драку», — подумал Саня и внутренне весь сжался. По драки не случилось. С притворным спокойствием подошел сын подрядчика к Сане и, цыкнув в сторону, сказал:

— Порвал? Ну, и обормот. Она же надтреснула еще от меня!

Парни посмеялись и начали расходиться. На улочках звенели песни.

Незаметно прошел день веселья. Подкралась ночь. Тонкая полоска зари осталась на горизонте, и лед на озере посеребрился. Замолкли песни. Мужики, парни разбрелись. Саша пошел начинающей темнеть улицей к родному дому. Около последнего переулка его догнали двое верховых. Свистнула нагайка. Воспламенилось лицо. Кровь моментально застлала глаза, но Саня все-таки успел различить в темноте тонконогого жеребца Кешки Елионского и его хищную посадку. Правый глаз моментально заплыл. От удара парень упал на колени.

* * *

Петруша Смолин рассчитал артель почти перед рождеством. Деньги выдал сполна и наказал:

— На будущий год приходите ко мне робить непременно!

— Спасибо, ваше степенство! Не забудем твоей доброты. Придем! — сулили мужики, не понимая, что труд их оплачен по дешевке, что у купчины под маской благодетеля проявлялся во взгляде матерый хищник.

Пошел Саня к новому хозяину — Дунаеву. Как и отец, на каменную работу. Жил вместе с другими работниками в большом деревянном флигеле, неподалеку от купеческого дома и лавочек.

Мерно и медленно шли дни. Ограниченный в недалеком прошлом интересами родной семьи и села, он теперь удивлялся, как это раньше не мог приметить, что, кроме мирка, который его окружал, существует другой мир, полный неизведанного и непонятного.

Курган остывал от потрясений первой русской революции. Наступала реакция. Затихли сходки. И листовки, появлявшиеся ранее в самых неожиданных местах, исчезали. Много замечательных зауральских революционеров томилось в тюрьме. Все больше нищала основная масса зауральского крестьянства. Хищники-капиталисты протягивали свои щупальцы к основному богатству нации — к земле. Происходило значительное сокращение земельных наделов. Норма земельного надела на одну душу (мужика) в Сибири понизилась к 1911 году до 12 десятин, а в Зауралье она оказалась еще ниже. В Курганском уезде средний земельный надел к этому времени составлял 9,3 десятины[6]. Увеличились мирские сборы и казенные оброчные подати.

Бесправными и забитыми были зауральские мужики. Крестьянские начальники — урядники, приставы, писари, старшины и всякого другого рода чины — «опекали» крестьян, да так, что и передохнуть было некогда, хоть всю жизнь в ярме ходи. Один весельчак-мужик из Утятской волости сказал на базаре такие слова: «Нашим братом распоряжается даже кухарка крестьянского начальника»,[7] — и не сдобровал, угодил в «чижовку».

Но искры правды, зароненные в 1905 году, не погасли. Революционные настроения поддерживались воспоминаниями, новым приливом революционных элементов из европейской части России в связи с переселением. Недалеко от Васильков, в деревне России-Носковой, на сходе была подписана жалоба на непосильное повышение оброчной подати и направлена в сенат.

На вокзале часто появлялись подозрительные люди, выступая перед народом с зажигательными, необыкновенными речами.

Курганский жандармский ротмистр доносил, что

> «14 мая 1908 года на станции Курган во время стоянки переселенческого поезда мещанин города Новохоперска Воронежской губернии Н. К. Михайлов, собрав около себя толпу переселенцев, стал доказывать им, что бога нет, что напрасно они согласились на переселение, что лучше бы было послать в Сибирь помещиков…»

В апреле 1910 года курганский исправник, настаивая на продлении усиленной охраны в уезде, сознавался, что население

> «почти все пропитано революционным настроением, и настроение это приподнято».

По документам царской охранки известно, что весной 1910 года была сделана попытка возобновить деятельность Курганской группы РСДРП. В ночь на 17 октября 1910 года ночью на базарной площади на улицах была разбросана большевистская листовка «К гражданам».

Ничего этого девятнадцатилетний печник Саня Юдин, конечно, не знал. Вечерами молодые приказчики Дунаева уходили в кинематограф «Прогресс» или «Лира», пьянствовали по трактирам. Саня шел к своим напарникам по каменной работе, разговаривали об ученье, о книгах. Однажды, предварительно рассказав друзьям недавно прочитанную книгу Войнич «Овод», начал читать ее последние главы:

> «Он вырвался и посмотрел им в глаза взглядом разъяренного дикого зверя.
>
> — Что это? Разве не довольно еще крови? Подождите своей очереди, шакалы! Все вы насытитесь! — Они попятились и сбились в кучу, громко и тяжело дыша. Лица их побелели, как мел. Монтанелли снова повернулся к народу, и людское море заволновалось, как нива, над которой пролетел ураган. — Вы убили его…»

Читал до третьих петухов, призывно, громко кричавших свежим утром. Крошечная лампа-семилинейка нещадно коптила, но этого никто не замечал.

Саня внутренне чувствовал в эти дни, что народ должен встать на борьбу против какого-то большого и общего для всего простого люда врага. Кто он, этот враг, Саня ясно не представлял. Когда уходил из Васильков, видел, что крестьяне разбиты на два

неравных круга. С одной стороны, Елионский и несколько богатых мужиков, с другой стороны — бедолаги. Их больше. Во много раз больше. Они пока покорны. Но это только пока. И Кешка Елионский стал врагом его не потому, что Саня влепил ему оплеуху… Нет. Из-за чего-то другого ненавидит и боится Сани сын подрядчика. Наверное, из-за того, что чувствует: Саня — один из тех, кто может встать против его власти. В этом вся суть, а совсем не в оплеухе.

Об этом мучительно думал Саня. Он жадно набрасывался на книги. Все новые и новые мысли роились в его голове. Все более пристальным становился его взгляд.

7

Летом 1911 года, в середине, жаром пахнуло на Васильки из казахских степей. Дни стояли на редкость ясные, ветер дул сухой и горячий, выжигая все. По дорогам, в степи, бродили, вздымая пыль, вихри. Раскаленной печью дышало на поля, леса и колки. За несколько дней посевы стали бурыми, жалобно зазвенели иссушенными стеблями, трава пожухла, ломалась под ногами. Вспыхивали по селам пожары.

Горевали мужики. Воем выли бабы. Шел голод. Он охватил 11 губерний России и обрек на мучения около 30 миллионов крестьянских семей. Корреспондент газеты «Пермская неделя» писал в эти дни из Кургана:

> «Во многих деревнях начался настоящий голод… Скот весь распродан. На почве недоедания появляются тиф и цинга»[8].

Большевики Зауралья старались разъяснить социальные корни бедствия. В одной из листовок того времени, распространенной в Тюмени, Ялуторовске и некоторых волостях Курганского уезда, было сказано:

> «Этот голод — не наказание божие. Голод был и будет, покамест будет существовать бюрократический современный строй… Голод — прямое следствие подлого режима, беспощадной эксплуатации народа»[9].

Саня нашел эту листовку недалеко от вокзала. Он читал ее с упоением и удивлением. Читал в Васильках, в Моревском, когда ездил ненадолго в гости. И родные, вслушиваясь в суть пламенных строчек, советовали: «Убери ты эту бумажку от греха

подальше!»

Выходили за село с молебном, поглядывали на небо. Напрасно. Ни мольбы, ни слезы не помогали. Небо каждый день полыхало жаром.

— Разгневался господь на нас! За грехи наши тяжкие! — стонали, крестились люди.

К середине зимы у Алексея Григорьевича в доме не осталось ни крошки хлеба. Заказал в Курган с васильковскими мужиками челобитье сыну: «Пусть у купца возьмет под будущую работу немного муки. Туго приходится». По просьбе отца и пошел Саня Юдин в хоромы к купцу Дунаеву.

Шел небольшой буранчик. Снежинки, гоняясь друг за другом, ложились на дорогу, на крыши домов, сараев, одевали в белые шубки ветви тополей. Купеческий дом неприветливой каменной громадой высился среди небольших мещанских домиков с резными козырьками над парадными входами. Мещане любили порисоваться, из кожи вон лезли, чтобы доказать друг другу свою состоятельность.

Саня решил действовать напором и смекалкой. Он знал, что к самому купцу в хоромы проникнешь не сразу: есть контора, куда все ходят для расчетов. Но в ней Сане делать нечего. Все счета купец сводит со своими работниками раз в месяц через контору. Тут же речь должна была идти о займе, а взаймы просить надо только лично у самого.

У ворот дунаевского дома Саню встретил сторож, пожилой двоедан[10] с метлой в руках, в кухне на него набросилась дебелая стряпуха:

— Али забыл чего тут? Раным-рано приперся!

— Не шуми, тетка! К самому я. Вызывал.

— Да они ишо, наверно, почивают, — утихомирилась стряпуха и застучала ножом.

Послышалось сверху звучание колокольчика. Понесли в хоромы на серебряных подносах еду. Стряпуха сказала:

— Встали. Сейчас кофей пить будут, да завтракать.

— Много их там?

— Сам. Да супружница с дочкой прикатили вчерася из Тобольску.

Немного погодя, кухарка ушла наверх и, вернувшись, сказала:

— Заглянула я. Кушают. А ты заходи туда, коли звал.

Саня поднялся наверх. Изразцовые печи блестели в лучах зимнего утреннего солнца.

— Здорово, Юдин! — ответил басом купец. — С добром пожаловал?

— Муки́ бы немного взаймы?

— Муки́? Ну, что ж, хорошо. Только придется до масленицы без расчета работать. Согласен?

— Куда деваться? Согласен.

— Слышал я, братец, что ты книжки сильно читаешь, что в них дельного находишь?

— Жизнь.

— Жизнь? Нет, парень, ее не по книжкам надо строить, а по деньгам. Книжки читаешь, а штаны-то на тебе, погляди: заплата на заплате.

Он смеялся, содрогаясь всем телом, хрипло, надрывно. …Был в деревнях один крайний выход — пустить в пищу хранимые на вес золота семена. Во всех крестьянских избах в эти дни думали о семенах. Кое-где уныло заурчали самодельные жернова. Со слезами на глазах бросали деревенские бабы драгоценные зерна — надежду на будущий год — под тяжелые камни, собирали пригоршнями теплую, пахнущую сдобой муку.

Голод.

На кладбищах ежедневно появлялись свежие могилы.

На дорогах все чаще и чаще стали баловать «удальцы», убивая всякого, кто имел пищу или деньги.

Голод. Толпы изможденных людей тянулись на восток, выменивая на последние пожитки пропитание. Зверем смотрели друг на друга. Умирали на ходу. Не охнув, валились в снег. Застывали.

Бабка Акулина, жившая в соседях с Алексеем Григорьевичем в маленькой саманной избенке, забралась от голода и холода в печь и затихла. Через две недели, в самую распутицу, кто-то сорвал у бабки дверь с крючка. Нашли почерневшее, подернутое тленом ее тело.

Саня Юдин продолжал печекладничать. Что ни говори, мастеровому человеку легче прожить. Нанимался обычно так: плата деньгами невысокая, зато пока кладет печку, харч хороший, а у тех, кто побогаче, после «пуска дыма» — штоф.

С детства Саня Юдин отличался от сверстников недюжинной силой. За последние годы поднялся выше вверх и раздался в плечах. Крепкие, как клещи, руки, с пальцами цепкими и железными, белозубая добрая улыбка, черные, припушенные длинными ресницами глаза.

Любовался сыном отец, вздыхала исхудавшая мать.

Да и лето 1912 года было веселым. Дожди, как по заказу, прошли сразу же после сева, а потом поливали часто, и все по ночам. А днем жарило солнце. Преображались поля. Радовались крестьяне: «Шанежки будем есть, да не простые, а крупчатные».

Отличный хлеб вырос. Даже перерод был[11]. Но не успели

еще и урожая снять, как сразу две беды принесло в деревню. Посыпались срочные распоряжения о взыскании с крестьян недоимок и долгов.

> «То там, то здесь, — писали о Курганском уезде в журнале «Сибирские вопросы», — не имеющие возможности рассчитаться и еще не ликвидировавшие урожай своих полей крестьяне сельскими старостами группами отправляются на высидку»[12].

Пришла к тому же ранняя рекрутчина: призывали и крестьянина деревни Васильки Александра Алексеевича Юдина в Черноморский Его Императорского величества флот: рост около трех аршин, вес пять пудов и здоровье доброе. «Хороший матрос получится!» — так и сказали на призывной комиссии.

Первые партии рекрутов отправляли шумно, тревожно. Разные слухи шли в народе и о войне, и о том, как забастовали в Шадринском уезде плотники, строившие железнодорожную станцию, и как во всей России поднялся народ против своих тиранов массовыми стачками.

Санина мать, Авдотья Васильевна, узнав о призыве сына, осунулась, посинела. Слезы беззвучно лились у нее по щекам, делая морщины, опоясавшие рот, глубокими и черными. Отец понежнел, стал деловитым, робким. Перед отъездом в волость, куда с утра собирали новобранцев, Юдины позавтракали всей семьей. Семья-то оставалась невелика, не было дома уже Михаила. Склали, что осталось на столе, в солдатскую Санину котомку, присели по русскому обычаю.

И все.

II. ФЛОТ

1

Одесский военный порт. Бетонированные причалы. Тихое дыхание волны, укрощаемое каменной дамбой. И белый, как свеча, маяк.

Основная часть судов Черноморской транспортной флотилии[13], куда в отряд средств высадки войск был направлен для прохождения службы Александр Юдин, была пришвартована на длительную стоянку для ремонта и переоборудования. Новобранцев-матросов первые три месяца на суда не пускали: они жили на берегу в дезинфицированных казармах, пропахших карболовкой. Боцманы учили «салаг» первым заповедям морской службы. Саня, умевший читать и писать, пользовался большим уважением боцмана Никиты Пономарчука, грузного, с отвисшими щеками и толстущей шеей украинца. Пономарчук — боцман особой статьи, начитанный, степенный. Водку пьет «в аккурате», с матросами не грубит, по увеселительным заведениям на Дерибасовской не шатается.

Саня брал у него книги, разговаривал с ним часто, вникая в существо каждой новой мысли. Особенно часто задавал вопросы из физики, химии и астрономии. Пономарчук от души смеялся над «салагой» и его вопросами, стукал его широченной ладонью по спине, приговаривал: «От же ж ты, хлопчику, який же ты дотошний!»

Всю жизнь встречавший холодные взгляды людей, Саня всей душой тянулся к боцману. Время шло. В половине февраля засверкало голубизной Черное море. Зеленые крыги, наросшие за зиму на прибрежные камни, оттаяли и упали в воду. Несло из степей ароматами прелой земли и пробуждающихся черешен, а с моря — соленым ветром, рыбацкими снастями и южными прериями. Все эти запахи перемешивались в Одессе в один неповторимый запах большого степного города, стоящего на берегу моря и являющегося крупнейшим портом.

Каждую весну в лиманах, за рыбацкими поселками, горят камыши. Кто-то невидимый поджигает их, и зарево бродит по побережью на десятки верст. Оно охватывает своим светом огромную площадь воды, и от этого заливы кажутся бездонной, черной пучиной.

Заметил в эти дни Саня, что за ним постоянно следит рыжий, синеглазый матрос.

— Тебе што надо? — спросил его.

— Та ничего.

— Видно барина по голенищам! Говори, што надо! — требовал не любивший ходить по кривой стежке Юдин:

— Ты извиняй… Я все не посмею спросить тебя: книжку бы мне какую дал… Разные ведь читаешь?

— А-а-а! — притворно смягчился Саня и достал рыжему библию.

— Спасибо! — ответил рыжий и отправился в свой кубрик.

Вечером Саню вызвал к себе старпом и мрачно сказал:

— Где книжки берешь?

— Покупаю.

— А какие?

— Все больше божественные.

— Смотри у меня. Если узнаю, что крамола — сгною в гальюне!

С этого дня встречи с боцманом прекратились. Лишь изредка он кивал Сане и, улыбаясь, спрашивал:

— Ну, как дела? Нормально? Ну, что ж, не тужи, братец!

2

Переход на корабль был мрачным. Клубились черным дымом трубы, остервенело гудел гудок, встречный ветер бросал в лицо соленую изморозь. Беспрестанные злые команды, топот ног по трапам, сутолока — все это взбудоражило и испугало молодого матроса: ему, привыкшему к деревне, казалось, что здесь все требует какой-то особой настороженности и бдительности. Но это было лишь первое впечатление, потом беды корабельной жизни захлестнули его с такой силой, что он сделал вывод: «Хрен редьки не слаще!»

Однажды Пономарчук спустился в машинное отделение, где работал Юдин, и, уловив момент, передал ему записку:

> «Завтра вас отпустят на берег. Найдите перед уходом меня. Есть поручение».

И вот первое задание.

В одном из кабачков на Большом Фонтане Юдина встретил веселый целовальник и дал еще один адрес.

Рыбацкий поселок. Лачуги, разбросанные вкривь-вкось, над обрывом и под обрывом. На острой, усыпанной крупной галькой косе, словно чудовищные туши кита, — баркасы. Каждое утро рыбаки уходят в море и возвращаются к вечеру. И каждое утро на

базар, к привозу, спешат рыбачки с уловом. Днем в лачугах остаются только старухи, беременные женщины да голопузые, крепкие, как камни-голыши, ребятишки.

В выложенном из пиленого ракушечника домике с примазанными глиной сенцами Юдина встретила женщина лет под сорок, с красивым загорелым лицом. Она попросила матроса присесть. А когда Юдин спросил: «Не найдется ли самогонки?», засмеялась и сказала:

— Слушай сюда: Егорыч придет вечером!

— Я буду ждать.

Женщина развела летнюю печку, спустилась вниз, под обрыв, принесла в кувшине родниковой воды.

— Сейчас я что-нибудь горяченького сделаю, а ты пока посиди! — сунула на стол сковородку с жареными бычками и две черных лепешки.

Вечером пришел Егорыч. Это был мужчина средних лет, с карими, ястребиными глазами, с прокуренным, завернутым в колечко усом. Лицо у него было свежим и румяным, на щеках, пробиваясь сквозь бритую кожу, виднелись красноватые прожилки. Он весело оглядел Юдина с ног до головы, спросил:

— Откуда будешь?

— С «Жемчуга». Привет от боцмана.

— Ага. Ну, и ты, значит, привет Никите передай.

Они выпили по две чашки горячего чаю. Потом Егорыч вынес из кладовки большую черную пачку, развернул ее на столе.

— Листовки? — замирая, спросил Саня.

— Не все вам. Другим тоже надо. Вот половину бери, под тельник толкай, чтоб незаметно было.

Когда листовки упрятали на груди и спине Сани, Егорыч сказал жене:

— Вот что, Зоюха! Помочь парню придется: пойдем до порта на баркасе. Оставайся одна.

— С богом!

Они ушли в темноту, к берегу. Отчалили незаметно. Лишь на другой день Егорыч вернулся домой и, весело потирая руки, сказал жене:

— Этот парень только с виду кроткий и деревней от него припахивает. А глубже заглянешь — дока!

3

Машинное отделение — настоящая преисподняя. Вечный угар, дым, суровые, озабоченные лица, лоснящиеся скулы.

Человек очень здоровый, крепкий, и то с трудом переносит вахтенные смены в машинном отделении. Молодые матросы покидают после вахты преисподнюю побледневшие и пошатывающиеся, добираясь до кубриков с тошнотворным привкусом во рту. Падают и почти умирают.

Боцман Пономарчук приходил к механику и, ругаясь на отличнейшем морском арго, уговаривал его:

— Поставь, стерва, вентиляторы. Побойся бога. Угробишь команду — быть тебе за бортом.

— Не пугай.

— Я не пугаю. Я советую.

Пономарчук с особой тщательностью следил за младшим матросом Юдиным. Ясноглазый и сильный боцман, подобно Сане, не боялся работы. В глазах его часто искрился смех. А матросы любили его за справедливость и за честь. Ему все хотелось узнать, рассмотреть, приспособить. Так, чтобы главному человеку на судне — матросу — стало легче. Он был общим любимцем. Балагурить позволял даже со старпомом и самим капитаном, но начальство (замечал Саня Юдин) недолюбливало Пономарчука.

Как и прежде, Пономарчук с Юдиным вдвоем оставались редко. Но зато когда встречались, боцман говорил уже доверчивее и откровеннее. Разговор вели обычно с жизни, о книгах, о друзьях. Саня каждую возможность побывать в городе использовал для того, чтобы приобрести новые книги. Читал их с упоением, а потом пересказывал матросам.

Пономарчук принес ему маленькую книжечку с черными ровными буквами на мятом переплете: «Программа Российской социал-демократической рабочей партии».

— Почитай, Юдин, — сказал. — Подумай!

Весна взяла свое. Набережные пенились от цвета белых акаций и каштанов, и в «машинке» от этого стало особенно тяжело. Матросы, вдохнув на палубе немного свежего воздуха, с головой погружались в душный смрадный подвал. Все были кислые, хмурые. Солнце палило вагранкою, звало наружу из дымного и чахоточного подвала. В висках колотился угар.

Саня стоял на посту около двигателей. Сосед, матрос из новичков, Ваня Черемных, с выражением безнадежности на лице крутил горячие вентили. Из-под бескозырки крупными каплями сыпался пот.

В дверях появилась свирепая физиономия старпома. «Потрошитель идет», — шепнул Юдин Ване. Но Ваня не обратил на это никакого внимания, он охнул и замертво повис на рукоятке. Саня оставил пост, подбежал к упавшему.

— Это еще что? А ну, на место! — заревел старпом. — А ты,

касатик, работай, меньше обмороки закатывай, не барышня! — наклонился он к Ване.

Но Ваня был без сознания.

— Работать, живо! — заревел старпом и с омерзением ткнул лакированным ботинком распростертого на полу Ваню.

Тут произошло замешательство. Тяжелая рука Сани Юдина легла на плечо офицера и повернула его от Черемных. Глаза матроса налились кровью:

— Не троньте, ваше благородие!

Потом подошел к Черемных, бережно подобрался к нему руками под поясницу, поднял, тяжело, по-медвежьи ступая, направился к трапу.

За уход с поста молодой матрос Александр Юдин и попал в морскую тюрьму. Дело было направлено в следствие, и кое-кто предполагал, что теперь притихнут[14] неизвестные, но безусловно существующие на судне крамольники.

4

Листовки вызвали на корабле переполох. Матросы собирались группами и с интересом читали их.

Наивные крестьянские парни, они не догадывались, что читают запретное. Один конопатый, с толстенной шеей, стоял на груде канатов и тянул:

> «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Граждане! Царские палачи жестоко подавили народную революцию в 1905 году. Сейчас они зверски расстреливают рабочих и крестьян, борющихся за правду. Они потопили на реке Лене в море крови рабочих, которые безоружными шли просить у них…»

— Разойдись! — кидался на матросов старпом. — В тюрьму захотели.

Матросы расходились. Но в кубриках, на вахтах, в каютах шел тихий, откровенный разговор. И остановить его ни старпом, ни кто другой были не в состоянии.

В то утро вызвал к себе матроса Александра Юдина представитель военно-морской прокуратуры капитан третьего ранга Бугров.

— На вас падает подозрение, — сказал он. — Вы разбрасывали большевистские листовки?

— Никак нет, ваше благородие, — спокойно возразил Саня, — этого не может быть!

— Доказательства?

— В тот день я был еще в тюрьме.

Пока Юдина допрашивали, в кубрике перерыли все, но ничего не нашли. Старпом крутил кошачий ус:

— Чтоб этого больше не было, слышь, быдло?!

Юдин смотрел ему в глаза и говорил:

— Я же сидел, ваше благородие!

Когда отпустили, он сделал налево кругом и бодро выскочил из каюты.

5

— Товарищи! — Егорыч сказал это слово тихо, насторожившись. — Мы должны понять, что арест руководящего центра — не конец борьбы. Живы еще в сердцах народа огни пятого. Держать партийное знамя выше, хранить его зорко, очищать партию от соглашательских и ликвидаторских элементов — наша задача. Я думаю, товарищ Юдин не опозорит этого знамени. Я уверен в этом.

Пономарчук сиял, но обычная лукавинка в его глазах потухла.

— Что ж? Парень проверенный. Подготовка у него есть. Я предлагаю принять! — почти шепотом высказал он свое мнение.

— Кто за то, чтобы принять? — спросил Егорыч.

Восемь мозолистых рук поднялись вверх[15]. Александра Юдина единогласно приняли в партию.

Расходиться начали по одному, окунаясь в прохладу необыкновенно черной южной ночи.

Саня остался ночевать у Егорыча.

Вместе они вышли на крыльцо, разместились на ступеньках, закурили. Помолчали.

— Спасибо, Егорыч! — выдохнул, наконец, Саня.

— Будет благодарить-то.

— Быть неблагодарным нельзя. Пойми, тяжелая крестьянская жизнь, служба… Беспросветно… А вы будто холодной водой меня окатили! Спасибо вам за это.

Поздно заснули в ту ночь Юдин и Егорыч.

6

Прошел еще год. Многие большевики были арестованы. Оставшиеся на свободе действовали очень осторожно. Жизнь

замерла. Люди боялись сказать лишнее слово, сделать неосмотрительный шаг.

Перед пасхой Пономарчук и Юдин отпросились ко всенощной.

Пономарчук сообщил:

— Егорыч организует маевку, нужно красное полотнище, нужны мы, чтобы посоветоваться. Идем!

— Пойдем. Но лучше поодиночке.

— Конечно.

…Безлюдно и темно ночью на улицах рыбачьего поселка. Ветер повизгивает в ветхих оконных переплетах, воют собаки. Кое-кто в церковь пошел, ко всенощной. Но лишь кое-кто. Рыбаки — народ не религиозный: почти в каждой хате горит свет, доносятся пьяные голоса, смех.

Вот знакомый переулок, домик Егорыча. Юдин постучался в окно три раза и оглянулся. Чьи-то тяжелые шаги удалились к выходу. Постучал еще раз. На противоположной стороне улицы послышался топот. Матрос замер. Ярко начищенные пуговицы полицейского мундира, кокарда блеснули в темноте. «Грудь под бушлатом обмотана кумачом… Завести к Егорычу — провалить всех. Может, устроить скандал, крикнуть: «Полундра?»

Юдин замер в нерешительности.

Полицейских было двое. Один, перепрыгнув лужу, быстро подходил к матросу, другой был уже почти рядом. Вот он! Саня мгновенно откинулся всем телом назад, ударил, что было силы в лицо, и, перепрыгнув через упавшего, ринулся бежать. Сзади послышался свисток, потом где-то сбоку и спереди ответили, а потом, прорезывая глушь ночи, завыли полицейские свирели. Пробежав по кривой улице квартала два, Саня увидел, что навстречу движется группа полицейских. Повернуть обратно? Нет. Сдвинув бескозырку набекрень, пошатываясь, пошел навстречу полицейским. Они почти бежали и около угловой калитки остановили его.

— Эй ты, куда идешь? — спросил самый высокий.

— Я? Сюда, — откликнулся Саня, показывая головой на калитку. Прислушался. Преследователей не было слышно. Очевидно, жандармы ошиблись, свернули в переулок.

— А ну, идем, — неуверенно проговорил высокий. — Проверим, приглашен ты тут, али врешь.

В домике ярко светились окна, слышались молодые голоса, звуки гитары. «Конец, — подумал Юдин, — все пропало». Он подошел с полицейскими к двери, постучал отрывисто, резко, как к Егорычу, три раза. На пороге появилась нарядная девушка.

— Это к вам? — сипло спросил жандарм.

Юдин умоляюще смотрел в лицо незнакомке. Оно искрилось смехом. Секунду помолчав, она подала руку.

— Ох, Ванюша, а я тебя не узнала. — И к полицейскому: — Да, это наш!

Дверь захлопнулась.

Юдин сначала был ошеломлен всем происшедшим, потом на лице его изобразилось недоумение. Но незнакомка, смеясь, сорвала с него бескозырку и спросила:

— Ловко? А?

И Саня засмеялся вместе с нею. Возвращаться к дому Егорыча или в город было бессмысленно.

— Я хочу, чтобы вы действительно были нашим гостем, — улыбнулась хозяйка, — раздевайтесь и проходите.

Юдин не возражал.

В комнате сидели два парня в украинских вышитых рубахах и девушка, худенькая, голубоглазая, с длинной черной косой. Саня был весело представлен всем, как старый знакомый. Виноградное вино, которое поднесла незнакомка, подняло настроение, и он начал рассказывать новым знакомым о себе, о тяжелой службе на корабле. Беловолосый парень убрал в сторону вино. Тяжелые руки его спокойно лежали на коленях. Другой, смуглый, точно негр, ерошил пятерней вихрастую шевелюру.

Разошлись поздно. Машенька, так звали девушку, пошла провожать Юдина. Они бродили до рассвета.

7

Маша была учительницей. Работала в селе Усатове, близ Одессы. В пасхальную неделю школьники не учились, и она гостила у сестры.

После неожиданного знакомства девушка часто вспоминала молодого моряка. Он понравился ей: сильный, добрый! Придет ли еще? Обещал. А может, не придет?..

Саня пришел…

Весна того года была на редкость яркой.

Юдин старался использовать всякую возможность, чтобы встретиться с Машенькой, с Марьей Ивановной.

Вечерами они часто сидели вдвоем, плотно завесив окна, читали политическую литературу. Спорили.

А иногда мечтали.

— Вот обвенчаемся, — говорил Юдин, теребя черные клочковатые волосы, — и в Сибирь махнем. Там сыновья наши, и мы вместе с ними, новую жизнь строить будем!

— Обязательно, — улыбалась счастливая Маша.

И Юдин, зажмурив глаза, представлял себе горячее зауральское лето, замирающее в тягостной истоме Васильковское озеро, пестрые гусиные стада на берегу и словно наяву слышал крик матери: «Сань-ка-а-а-а! Айда ужина-а-а-а-ть!»

Многое не случилось так, как они мечтали. В августе 1914 года началась война, и вскоре царские ищейки арестовали Егорыча. Марии Ивановне пришлось уйти со службы и с чужим паспортом уехать в Киев.

— Увидимся ли еще, Машенька? — спрашивал провожавший ее Юдин.

— Непременно.

Они были беззаветно верны великим идеалам партии коммунистов. Они были верны и друг другу. Прошло более полувека с тех пор. Вот отрывок из письма родственницы Александра Алексеевича и Марии Ивановны Тамары Сомовой автору этой книжки:

> «Я пишу вам от имени моей мамы. Она больна и не может писать. Она рассказывала мне о моем дедушке и бабушке, о комиссаре Юдине и его жене. Мама была любимой племянницей дедушки. И мама говорит: «Никакие грозы, войны, никакие мелочи жизни не мешали им быть счастливыми. У таких людей надо учиться всему, всей жизни!»

Одесса-главная бурлила. Приказом командующего были запрещены все увольнения и отпуска, весь личный состав находился на кораблях в полной боевой готовности. Уходили на Румынский фронт воинские части, располагавшиеся в Одессе и округе. Прибывали на станцию эшелоны раненых. Развертывались новые и новые лазареты.

С первых дней большевики Одессы, в частности Черноморской транспортной флотилии, повели среди солдат и матросов широкую агитационную работу, разъясняя грабительский характер войны.

Царская охранка не знала покоя. Морская тюрьма была переполнена революционно настроенными моряками. Но спасти загнивающую монархию было уже невозможно.

Поздним ноябрьским вечером 1916 года, когда море вскипало от шторма и замирали в непроглядной темени сигнальные огни, в кубрик к Юдину спустился грузный Никита Пономарчук. Юдин, только что закончивший вахту, устало дремал на провисшей койке.

— Подъем! Приказ капитана: откомандировать старшего матроса Юдина на курсы моторных[16]. Будешь унтером, салага!

— Есть на курсы! А когда?

— Завтра, к двенадцати!

— Есть, завтра!

— Дело вот какое, — продолжал Пономарчук полушепотом. — Руководить курсами будет подпоручик Сосновский. Дворянин, поместье отца на Дону в тысячу десятин. Монархист. Весь состав курсов он будет, как и надо полагать, вести к верному служению богу, царю и отечеству. Это не курсы — шлифовка унтеров и верноподданническом духе. Понял?

— Как не понять.

— А что из этого вытекае? — боцман начал путать русский язык с украинским.

— Вытекает, что я на курсах буду…

— Вторым руководителем… большевистским, понял? Таково решение комитета.

— Ясно!

Боцман устало опустился на скамью, достал трубку.

— Время, друг, тяжелое. Заповедь твоя — всегда быть с народом. Разъясняй нашу политику терпеливо. Народ всегда поймет, всегда увидит правду и будет за нее бороться. Правда, она для царя и буржуев — хуже чумы, а для нас — сила, которую не подавить никакими пушками, не то что нагайками.

8

Несмотря на предупреждения Пономарчука быть осторожнее, в конце 1916 года за пререкания с подпоручиком Сосновским Александр Юдин был отдан под суд. Пререкания — это только предлог. Арестовали Юдина как политического, за революционную работу среди матросов на курсах моторных унтеров.

И снова уже знакомая морская тюрьма. Допросы, бессонные ночи. Придающие силы письма от Машеньки. Так в течение двух месяцев, до свержения царя в феврале 1917 года. А дальше калейдоскоп революционных буден.

Вскоре после освобождения из тюрьмы Юдин был избран членом исполкома Совета матросских депутатов. В дни корниловщины — он уже член Одесского революционного комитета, а после похода против Центральной Рады, разгрома оборонческого комитета и Хоменковских банд — комиссар Одессы-главной.

Александр Алексеевич Юдин.

В ноябре 1917 года Юдин едет представителем партии большевиков на Румынский фронт. Уже в эти дни широкоплечий черноморец с ясной улыбкой стал любимцем не только матросов, но и солдат.

Пробыл на фронте Александр Алексеевич недолго. После пулевого ранения в правое бедро и двухнедельного лазарета его направляют в распоряжение РУМЧЕРОДа (Румыно-Черномор-Одесского революционного штаба)[17].

Затем поездка в Киев. Встреча с Машей. И отпуск по ранению. В начале весны 1918 года Юдин навсегда покинул ставшую ему второй родиной Одессу.

III. КУРГАН — ВАСИЛЬКИ

1

По дороге в Сибирь Юдин оброс, похудел. Лихорадочная дрожь будоражила все тело. Мария Ивановна ни на минуту не отходила от мужа.

— Саша! Что с тобой? Неужели тиф? — шептала она.

Опасения не были напрасными. Народ неделями сидел на вокзалах. Эпидемия косила людей. Больницы были переполнены. Ежедневно от них уходили подводы с наваленными, как бревна, трупами…

На третий день пути в болезни наступил перелом.

Доктор-попутчик радовался вместе с Марией Ивановной.

— Такой богатырь! Конечно, он победит! Конечно!

И действительно, через день Юдин встал. Он весело разглядывал своих соседей, напевал любимого «Варяга», смеялся.

В Кургане Юдины вышли из теплушки и направились в Совдеп.

— К комиссару? — спросил товарищ, дежуривший в приемной.

— К нему, — ответили в голос супруги.

В просторном кабинете их встретил сероглазый, среднего роста человек в военной форме. Слегка вьющиеся волосы обрамляли лицо, румяное и свежее, высокий лоб был прорезан сетью едва приметных морщин, глаза впали от бессонницы. В движениях уверенность и точность.

Когда Юдин предъявил партийный билет, комиссар улыбнулся, вскочил:

— Юдин? Александр Алексеевич? Васильковский? Знаю! А я — Дмитрий Пичугин из Моревского… Значит в нашем полку прибыло?!

Юдины расспрашивали о работе, о делах в уезде, и Дмитрий Егорович охотно рассказывал:

— Земцы у нас в деревнях пока силу имеют. Предполагаем в ближайшее время подзаняться учебной командой расположенного здесь 34-го Сибирского полка. Офицерье воду мутит, земство поддерживает.

— Как быть нам?

— Помочь надо, Александр Алексеевич. Останьтесь на несколько дней здесь, а там в волость.

— Есть остаться.

— Да и вам, Мария Ивановна, без мужа в деревню ехать одной опасно.

— Почему?

— Вчера из Камышловского уезда один товарищ приехал, рассказал: в деревеньку Рыбаловку приехал солдат из Лодейнопольского полка. А жена из Финляндии… ни слова по-русски. Признали немецкими шпионами. Убили.

Юдин встал, поморщившись от боли в ноге. Пичугин это заметил.

— Вы нездоровы?

— Так, пустяки.

— Подождите минутку.

Он крутнул ручку телефона, попросил:

— Ветрова… Александр Мартынович? Направляю к вам товарища Юдина. Квартиру ему и прочее. Да нет, фронтовик. Ну, я надеюсь. — Положив трубку, он объяснил: — Это наш снабженец. Идите к нему. Он вас устроит.

2

Вечером 31 декабря 1917 года у председателя укома партии собралась вся руководящая группа курганских большевиков[18]. Накануне произошло следующее: делегация офицеров 34-го Сибирского полка, расквартированного в Кургане, явилась в Совдеп и заявила: «Сдавайте оружие. Законная власть принадлежит земским управам». Но большевики не дрогнули: в городе было много фронтовиков, да и солдаты не поддержали офицеров.

На закрытом совещании Совдепа выступил комиссар Красной гвардии М. Н. Петров (В. И. Буров-Петров). Он, как всегда, говорил спокойно, убедительно. Председательствовал на собрании Д. Е. Пичугин. В прошлом простой крестьянин, Дмитрий Егорович вступил в партию в империалистическую войну. Вместе с революционными матросами Петрограда солдатом Измаильского полка отвоевал власть Советов, слушал пламенные речи Ильича. Он выбрал верную дорогу в жизни и шел по ней твердо и прямо.

Став заместителем председателя Совдепа, Д. Е. Пичугин решительно повел линию на передачу власти Советам, ездил по уезду, разъясняя линию большевиков, горячо откликался на нужды крестьянства.

На совещании был изложен план действий: провести предварительно встречи с рабочими и фронтовиками,

действовать небольшими группами, ночью снять патрулей, арестовать офицеров, демобилизовать учебную команду.

Александр Юдин принял участие в этой операции.

В ту же ночь небольшая группа фронтовиков подошла к зданию учебной команды — это было одно из подразделений 34-го Сибирского полка.

Выбили у часового винтовку. Замотали солдату полотенцем рот.

Вошли в казарму. Дневальный, сидя на стуле около тумбочки, крепко спал. У него вынули штык, скрутили руки. Потом прошли в кабинет ротного. Там спали двое офицеров. Их разбудили. Бледные, они стояли у стены и согласны были выполнить любое указание.

Поставили свою охрану к пирамидам с оружием и разбудили солдат.

Когда учебная команда была поднята и выстроена, именем революции объявили о демобилизации. Ликованию солдат не было предела.

Дмитрий Егорович Пичугин после всего вызвал к себе Юдина.

— Спасибо, дорогой, спасибо. А теперь поезжай в свои Васильки, устанавливай власть Советов там.

Они тепло расстались. Юдину было выдано удостоверение уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

— В случае чего, шли нам гонца, поможем, — говорил на прощание Пичугин. — А лучше старайся опереться на бедноту и установить власть своими силами.

— Слушаюсь! — отвечал Александр Алексеевич.

Морозы ударили яростно, заковали землю и воду. Начались бураны. Юдин выехал из Кургана с попутчиком-соседом Алексеем Дементьевичем Могильниковым. Санки катились, повизгивая на выбоинах, обжигало щеки. Александр Алексеевич тормошил замерзающую Марию Ивановну.

— Учись сибирячкой быть!

Не верилось, что близок час, когда он будет дома.

В Васильки въехали глубокой ночью. Домик Юдиных стоял одиноко, с заколоченными крест-накрест окнами. Брат Семен, отец и мать умерли от тифа, Тимофей и Михаил жили теперь где-то в чужих краях. Ночевать остановились у Могильникова. Долгую зимнюю ночь вели разговор о житье-бытье.

Бурлила разбуженная большевистской правдой вся огромная страна. Волновалась и маленькая зауральская деревня Васильки.

На следующее утро прогнал на коне по деревне десятник: «На собрание, товарищи!» Пришли к месту схода не только

фронтовики, как предполагал Юдин. Вряд ли когда-нибудь бывало такое в Васильках. Во дворе старостиного дома, где собирался сход, негде было яблоку упасть. Мужики, бабы, ребятишки. Крики. Смех.

Юдин поднялся на крыльцо, взял слово.

— В Васильках объявляется Советская власть, — начал он. — С сегодняшнего дня земля передается крестьянам…

Все загалдели, захлопали в ладоши. В этот день единодушно была принята резолюция о поддержке Советской власти…

Перед весной волисполком распределил землю богачей между бедными мужиками. Роздано было в частное пользование множество телег, сбруи, плугов, борон. Большинство крестьян одобрительно и с большим уважением относилось к волисполкому. На деревенских богатеев наложили контрибуцию.

Кулачье притаилось в бессильной злобе, замолкло.

А вскоре Александр Юдин в своих родных Васильках уже организовывал коммуну. Сорок человек записалось в нее — решили строить новую жизнь по-новому.

Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем!

— пели коммунары.

В конце мая, ночью, из Кургана в Васильки к Александру Алексеевичу Юдину прискакал нарочный. Ему предписывалось срочно явиться в распоряжение уездного военного комиссара.

Когда муж прочитал короткую и категоричную бумажку, Мария Ивановна сказала:

— Куда ты, туда и я.

— Хорошо, — согласился Юдин[19].

3

— Убирались бы отсюда поскорей! — ворчал Александр Мартынович Ветров, выдавая разрешение на получение продуктов начальнику белочешского эшелона, прибывшего на станцию Курган. — Корми вас тут по четыре-пять дней, когда самим есть нечего.

Но чешский представитель, не понимая по-русски ни слова, моргал глазами и терпеливо ждал, когда комиссар даст распоряжение на получение еды.

Чешским эшелонам, отправлявшимся на восток, было приказано выдавать продукты питания, снабжать всем

необходимым, оказывать всевозможное содействие в продвижении на родину.

Но чехи вели себя странно. Целыми неделями эшелоны стояли на станции, и если уходил хотя бы один состав, вместо него появлялись два-три. К началу контрреволюционного мятежа на станции Курган сосредоточилось 6 эшелонов белочехов, в которых находилось более 2700 солдат и офицеров. Они разоружили железнодорожную охрану, взяли под свой контроль телеграф, вмешались в работу службы движения.

Александр Мартынович Ветров — крепкий, невысокого роста, смуглолицый сибиряк, с крупным мясистым носом, работающий заместителем председателя Совдепа по снабжению, выходил из терпения.

— Ну, какого вы черта стоите? — убеждал он чехов. — Жрать хотите, а домой не едете?

Вечером они встречались с Дмитрием Егоровичем Пичугиным.

Дмитрий Егорович выслушивал своего снабженца и соглашался:

— Да, товарищ Ветров! Объедят и обопьют. Но это было бы еще ничего… Они просят у нас разрешения поехать для заготовки продуктов на юг, к казахам. Вот это хуже!

— Как же быть?

— Корми их пока досыта, а там увидим.

А на дворе за окном плескался май, тополя зеленели, благоухая клейковиной. Тобол играл изумрудом, цвел по берегам неизменным таволожником. На чистом, глянцево-голубом небе целый месяц мелкими пушистыми хлопьями висели белые облачка, солнце жгло нещадно, нагревая каменные плиты тротуаров на бывшей Дворянской улице так, что на них жарко было ступать.

Действия чехов встревожили городскую партийную организацию. 25 мая 1918 года на партийном собрании большевики обсуждали вопрос об угрозе нападения[20]. Было принято решение — готовиться к защите города. Все коммунисты обязывались взяться за оружие и сформировать отряд. Командиром коммунистического отряда был избран коммунист, бывший подпоручик А. Е. Мартынюк. Спешно формировались отряды рабочих. 26 мая было получено известие о контрреволюционном выступлении белочехов в Челябинске. Курганский Совет обратился 27 мая с воззванием к крестьянам уезда встать с оружием в руках на защиту власти Советов. Крестьянская секция Совета предложила мобилизовать от каждой волости по десять человек и направить их на защиту города.

«Крестьяне, — говорилось в приказе, — настал решительный час. В ваших руках ваша воля, ваша свобода. Немедленно на защиту революционных завоеваний! Время не терпит. Все за оружие!»

К вечеру 31 мая 1918 года в Совдеп прибыла белочешская делегация. В здании первого общественного собрания, в бывшем доме декабриста Нарышкина, состоялась встреча местных властей с белочехами. В сговоре с местной контрреволюцией белочехи потребовали от Совета передачи им всей власти. Совдеп отверг ультиматум. Председатель местного Совета депутатов Зайцев ответил чешскому полковнику:

— Никаких остановок у вас в пути быть не может. Город был и останется советским, и никто не имеет права здесь бесчинствовать.

Полковник позеленел от злобы. Но Зайцев, будто не замечая, поднялся за столом:

— Я вас больше не задерживаю.

Пичугин сидел бледный, с ненавистью смотрел на непрошеных гостей. Не знал Дмитрий Егорович, что кровью польют эти люди его родную землю, принесут новые страдания русским людям.

4

Это случилось утром 1 июня.

Белочехи цепью подходили к железнодорожному мосту через Тобол. Их коричневые фигуры мелькали на буграх. Они то ползли, то, встав, бежали несколько секунд, потом падали, будто подкошенные. Против отряда в 400 человек было послано войск почти в шесть раз больше.

Дмитрий Егорович молча разглядывал в бинокль приближающегося неприятеля. Было жарко. Сухая земля, песок лезли в глаза, хотелось пить. Подошел Зайцев и тихо сказал, отрывая глаза от бинокля:

— Видишь, Егорыч, какая туча?

— Вижу. Не от храбрости это.

— В случае, если не удержим, надо идти в лес, по селам поднять народ.

Первые выстрелы разорвали предутреннюю дрему. Коммунисты не отвечали. Белочехи, их первая цепь, поднялись и пошли во весь рост. Они спустились к реке, хлынули на мост.

По ним ударили залпом. Раз, другой, третий. Цепь залегла.

Пули, посвистывая, проносились над головами. Вестовой Дмитрия Егоровича лег неподвижно, уткнувшись лицом в землю.

— Вася! — позвал его Пигучин.

Ответа не послышалось.

И вдруг белочехи разом, тысячной толпой ринулись на мост, в воду.

Кольцо сжалось.

Окровавленный, с перевязанной рукой, Зайцев подполз к Пичугину. На лице испарина, лоб в крови.

— Немедленно идти на прорыв, — обессиленно прошептал он и упал ничком.

— Есть идти! — ответил Дмитрий Егорович.

— Товарищи! Прорвемся на северо-восток! За мной!

Защелкали выстрелы. Небольшая группа под руководством Пичугина кинулась к лесу. Затем сделали бросок в сторону села Моревского, а потом на Белозерку, Стенникову, Усть-Суерское[21].

Всего этого Александр Алексеевич Юдин не знал, да и знать не мог. Он за несколько дней до выступления белочехов был направлен в распоряжение Уральского Военного Комиссариата и жил в Екатеринбурге, находясь в резерве Северо-Урало-Сибирского фронта.

Используя свое превосходство, как численное, так и по вооружению, белочехи окружили революционные отряды на левом берегу Тобола и вынудили их сложить оружие. Во время боя был ранен, а затем убит белогвардейцами председатель Курганского ревтрибунала И. А. Ястржембский. Сотни красногвардейцев были арестованы. Белочехам удалось захватить и бросить в тюрьму руководящих партийных и советских работников города: Е. Л. Зайцева, А. П. Климова, В. В. Губанова, Л. В. Аргентовского, М. Н. Петрова (В. И. Петрова-Бурова) и других.

Уже будучи комиссаром Первого Крестьянского полка, Юдин услышал подробности трагической гибели своего земляка Д. Е. Пигучина. Случилось это так.

Отряд Пигучина стоял в селе Усть-Суерском. Помощник Дмитрия Егоровича, отставной унтер Кормин, принес в тот день белогвардейскую газету.

> «Бандитские отряды Пичугина, — писали белогвардейцы, — все истреблены, пришел конец большевистской власти в Курганском уезде».

Дмитрий Егорович улыбался: «Вот так истреблены. Весь уезд бурлит, а они уже похоронили».

К вечеру того же дня Дмитрий Егорович сидел в штабной

избе, когда прилетел верховой.

— Карателі! — кричал он на всю деревню. Но было поздно. Батальон карателей зашел в село. Не успели взять даже винтовки.

Комиссара схватили и сразу же начали пытать.

Били страшно, смертным боем. А потом повезли в Курган. Не довезли. По дороге зарубили. Уж больно ненавистен был им этот коммунист.

И так почти повсеместно шли дикие расправы над сторонниками Советской власти. Их «рубили шашками, прикалывали штыками. Изрубленные тела бросали в общую могилу и кое-как присыпали сверху землей»[22]. Карательные отряды белогвардейцев разгоняли местные Советы, расстреливали коммунистов.

IV. „КРАСНЫЕ ОРЛЫ“

1

10 июня 1918 года Совет Народных Комиссаров обратился с призывом ко всем трудящимся молодой Советской Республики.

> «Рабочие, крестьяне, красноармейцы, честные граждане! Власть в нашей стране принадлежит вам. Ваши вековые враги, угнетатели, хотят вырвать у вас эту власть… Этому не бывать! Долой изменников, насильников! Да здравствует власть рабочего класса и крестьянской бедноты».

Перед партийными, советскими организациями Урала и Зауралья была поставлена задача — положить конец продвижению белых, принять решительные меры к подавлению контрреволюционных восстаний. Центральный Комитет партии большевиков, В. И. Ленин, оценив создавшуюся обстановку, приняли экстренные меры по укреплению воинских частей, расположенных на Урале. Сюда были срочно переведены латышские части, полки из Красного Питера.

В г. Екатеринбурге (Свердловске) действовал Уральский Военный Комиссариат. С 13 июня 1918 года здесь был создан Северо-Урало-Сибирский фронт, в дальнейшем преобразованный в Третью Армию Восточного фронта.

Коммунисты Урала стали во главе борьбы с белогвардейцами, принимали меры к подавлению контрреволюционных восстаний. В числе их был и Александр Алексеевич Юдин. За короткий срок воинские части были пополнены коммунистами и добровольцами. Выполняя указания Совета Народных Комиссаров, Уральская партийная организация провела мобилизацию в армию пяти возрастов — с 1893 по 1897 год. Штаб армии создавал новые войсковые формирования.

А фронт все приближался к Уралу. Белогвардейцы заняли Курган, подходили к Шадринску. Подняли головы кулацкие элементы. Ряд волостей Шадринского и Камышловского уездов были охвачены восстанием кулаков.

Камышловский уездный комитет партии большевиков, во главе которого стояли Антип Евгеньевич Федоров (председатель уездного комитета РСДРП(б), Макар Васильевич Васильев (военный комиссар и председатель уездного Совета депутатов),

Павел Петрович Бажов (комиссар народного образования), создает боевые отряды и направляет их на подавление кулацких восстаний в Кривском, Мясниковой, Тамакульском, Ертарке и в других населенных пунктах.

Вот как характеризует некоторых руководящих партийных и советских работников юноша-гимназист Ф. И. Голиков — ныне Маршал Советского Союза — в своем дневнике:[23]

> «У нас уездным военкомом стал Макар Васильевич Васильев. В городе он недавно, но его уже все знают, и трудовой люд относится к нему с уважением.
>
> Товарищ Васильев из промышленных рабочих, литейщик. Ему 30 лет. Уже год состоит в партии, а революционной работой начал заниматься еще раньше. Его арестовывали, судили… Всю войну был на позициях. После революции солдаты избрали товарища Васильева командиром 6-го Сибирского корпуса, штаб которого расформировался в Камышлове в начале года.
>
> Еще я знаю двух членов военной коллегии — товарищей Брюханова и Жукова. Николай Николаевич Брюханов — крестьянин села Знаменского, что недалеко от Камышлова. Недавно председательствовал в волостном исполкоме, и враги Советской власти решили с ним расправиться. Однажды вечером, когда Николай Николаевич сидел с семьей за ужином, в окно бросили ручную гранату. Погибла почти вся семья. Сам Брюханов был тяжело ранен.
>
> Василий Данилович Жуков — камышловец, слесарь железнодорожного депо, старый коммунист-подпольщик.
>
> На таких можно положиться. Они жизни не пощадят, чтобы защитить революцию.
>
> Комиссариат агитации и пропаганды упразднен. Зато создан комиссариат народного образования. Комиссаром… Бажов… Люди, знающие товарища Бажова, отзываются о нем хорошо…»

В большое зауральское село Катайское (нынче город Катайск) был переброшен отряд, возглавляемый членом Камышловского уездного исполкома — комиссаром по управлению уездом Петром Никитичем Подпориным. Он и стал первым командиром формировавшегося в Катайском Первого Крестьянского Коммунистического полка.

Петр Никитич связал свою судьбу с партией в 1904 году. Будучи унтер-офицером царской армии, он за оскорбление офицера был разжалован в рядовые. Наказание отбывал в

дисциплинарном батальоне и в начале империалистической войны был отправлен на фронт.

В дни Февральской революции Подпорин ведет агитационную работу среди солдат-фронтовиков, разъясняет им лозунги большевистской партии. Во время Великой Октябрьской социалистической революции Петр Никитич Подпорин находился в городе Камышлове на советской работе.

Боевые отряды и дружины, действующие в Катайской и смежных с нею волостях — Шутинской, Никитинской, Зырянской, Петропавловской, Песковской, объединяются в Катайско-Далматово-Никитинский отряд с единым общим подчинением. Отряд в дальнейшем был развернут в полк.

В формирование полка Подпорин вкладывал все свои силы и энергию: он знакомил личный состав полка с обстановкой на фронте, с задачами, стоящими перед воинами Красной Армии по защите революции, писал приказы «О понимании революционного долга каждым воином», «Кто наши начальники» и другие.

Говорил часто так:[24]

— Грамотешки маловато! Хочется так сказать, как тебе велит сердце. Сказать, чтобы каждое слово за душу брало! А это вот не всегда получается!

8 июля 1918 года приказом военной коллегии г. Камышлова было положено начало формированию полка. Камышловский уездный комитет партии большевиков направил на укомплектование полка десятки коммунистов (среди них Д. Лещева, Г. Куткина, П. Петрова и других) для использования на командных постах.

С первых дней создания полка большое внимание уделялось партийной работе. Она велась не только среди личного состава полка, но и всего гражданского населения. К работе были привлечены волостные партийные комитеты и партийные ячейки боевых дружин и отрядов, ставшие в дальнейшем ротными партийными организациями.

Активную поддержку в формировании полка оказывала беднота. Деревенские бедняки и батраки добровольно вступали в полк целыми семьями. Отдавали своих лошадей, участвовали в обеспечении полка продовольствием и фуражом, искренне стремились помочь молодой Республике Советов дать должный отпор врагу[25].

Бесправные, униженные в недалеком прошлом, люди раскрывали свои души. И какими же изумительно красивыми, чистыми были они.

Подъезжает к зданию штаба на бойкой игреневой лошадке

парень в пестрядинной рубахе, в выцветшем картузе с переломленным в двух местах козырьком. Привязывает к коновязи лошадь и напрямик в штаб.

— Стой, сюда нельзя! — останавливает часовой.

— Пошто нельзя? — идет в наступление парень. — Нельзя было только к господам заходить. А тут наши, Советская власть. И ты мне брось.

Часовой мнется. А из окна уже слышится голос начальника штаба полка:

— Заходи, товарищ. Вы по делу?

— Я совсем. Вот конь мой, а вот я. Принимайте.

— Надо комиссию проходить.

— Мне все равно. Если и не пройду комиссию, никуда не уйду. Так что зачисляйте.

Начальник штаба полка «Красные орлы» Леонид Афанасьевич Дудин. Ныне полковник в отставке. Живет в Свердловске.

Бывший начальник штаба полка Леонид Афанасьевич Дудин рассказывает:

«При формировании полка встретились трудности. Кое-кто рассуждал так:

— Зачем нам понадобился полк? Были у нас боевые дружины, и хорошо. Беднота-то шла к нам охотно! А пойдет ли в полк? Будет ли защищать Советскую власть?

— Кто за нас, кто против — мы разберемся, — отвечал Подпорин. — Оружие сначала дадим тем, кого знаем. К остальным присмотримся, изучим их.

Много было споров о наименовании полка. Предлагали назвать «Крестьянским», «Добровольческим», «Партизанским». Петр Никитич сказал:

— Давайте назовем его Крестьянским Коммунистическим Красным Советским полком и номер ему дадим первый.

Предложение поддержали дружно.

13 июля 1918 года был подписан приказ об образовании Первого Крестьянского Коммунистического Красного Советского полка. Эта дата и была днем его рождения.

Назначения на командные и хозяйственные должности проходили гладко. Начальники боевых дружин и отрядов стали командирами рот, взводов. Солдаты и унтер-офицеры — специалисты — назначались пулеметчиками, артиллеристами, связистами. Люди старшего возраста использовались на хозяйственных работах.

Не обошлось без шуток.

Кого назначить квартирмейстером?

Подпорин посмотрел список и вызвал:

— Зуев Иван Тихонович!

На середину комнаты вышел плотный, приземистый крестьянин лет тридцати пяти.

— Я — Зуев, в армии не служил, военного ремесла не знаю. А вот скот колоть могу!

— Такой человек нам и нужен. Назначаю тебя квартирмейстером, — сказал Подпорин.

На лице Зуева заиграла улыбка, он был горд доверием командира полка. Но не совсем ясно представлял, в чем будут состоять его новые обязанности. Уж очень мудреное слово: квартирмейстер…»

До создания полка в Катайске в г. Шадринске проходил формирование 4-й Уральский полк, спутник «Красных орлов» по многим боям с белогвардейцами. Таким же спутником явился и 1-й Камышловский полк, сформированный в августе 1918 года.

К 13 июля полк имел один батальон пятиротного состава. В нем была крестьянская беднота, батраки, люди из красногвардейских отрядов и боевых дружин, добровольцы из Катайской и смежных с ней волостей. 50 процентов состава были унтер-офицеры и солдаты старой армии. Остальные, вступившие в полк добровольно, совершенно не знали военного дела. Это безусловно не могло не отразиться на боевой готовности вновь создаваемой воинской части. Приходилось учить людей на ходу, непосредственно в боевой обстановке.

После занятия г. Шадринска белые 11 июля подошли к Далматову, завязался бой с 4-м Уральским полком, оставившим Шадринск. В бою принимала участие только одна 3-я рота Первого Крестьянского Коммунистического полка, остальные роты обороняли подступы к с. Катайскому.

Бой под Далматовым продолжался восемь часов, был проверкой мужества и стойкости воинов. Он показал силу молодой Красной Армии, укрепил веру в победу над врагом. Врагу удалось прорваться на станцию, захватить пакгаузы и приблизиться к вокзалу. Но в решительный момент в бой вступили две роты и блиндированный поезд. Белогвардейские пулеметы были сбиты огнем поезда, и прорвавшиеся к станции белогвардейцы были смяты. Советские части, перейдя в контратаку, нанесли врагу мощный удар. Белогвардейцы бежали, оставив на поле боя много убитых, 7 пулеметов и большое число винтовок. Бойцы стойко выдержали бой и вышли победителями. Враг вынужден был вернуться на прежние позиции. И лишь в силу сложившейся общей неблагоприятной обстановки на фронте Уральский полк отошел к станции Синарская, и белые ринулись на с. Катайское.

Пришло время включить в боевые действия весь Первый Крестьянский Коммунистический полк. Подразделения полка заняли боевые позиции. Село Боровское обороняла первая рота под командованием В. Ф. Григорьева, деревню Черемисскую — вторая рота под командованием А. И. Кобякова, село Шутино — рота, командиром которой был П. М. Тарских, село Крестовка — пятая рота под командованием Е. Е. Маслакова, село Катайское — четвертая рота, командир И. Ф. Ковригин. В Китайском был размещен штаб полка[26].

16 июля первую роту постигла неудача. Сторожевая застава этой роты стояла в с. Боровском. Было относительно тихо. Утром клубился над поскотиной сизый пар, и гусиные стаи, выпущенные крестьянками, с гоготом уходили к воде. Никто не знал, что кулак Рогачевский указал белогвардейцам обходный путь на село. Белые вплотную подошли к Боровскому, и завязался бой.

Помощник командира роты Н. В. Григорьев с вестовым П. С. Скарединым поспешили к месту боя, но были схвачены белогвардейцами. Жестоко пытали героев, избивали, предлагали сохранить жизнь, если они расскажут о численности и расположении советских войск. Но они не стали предателями. Палачи надругались над пленниками. Григорьеву выкололи глаза. Затем оба советских воина были расстреляны.

Расправлялись белые и с мирными людьми. Так, в с. Грязновском были расстреляны члены волостного Совета А. Заплатин, Ф. Нестеров, В. Солдатов. В деревне Черданцы Ильинской волости белогвардейцы варварски расправились с 64-летним О. Дружининым за то, что его дочь ушла к красным. Он был заживо закопан в вырытую им же самим могилу.

К 18 июля белочехи вошли в непосредственное соприкосновение с подразделениями полка. На ряде участков завязалась перестрелка. Подразделения полка на обороняемых участках насчитывали до 450 штыков при 8 пулеметах и двух орудиях. Белые же имели около двух полков пехоты и отряд добровольцев. Перевес сил и техническая оснащенность белогвардейских войск были явно на их стороне. Поэтому красные подразделения вынуждены были оставить с. Катайское. 20 июля полк ушел по линии железной дороги на ст. Синарская (Каменский завод). За ним ушли, покинув родные места, 200 семей, преданных Советской власти, местных жителей.

Шестидневное пребывание на Каменском заводе имело важное значение. Здесь в полк влилось около 400 рабочих, что позволило сформировать дополнительно две роты — шестую и седьмую и доукомплектовать отряд И. А. Ослоповского, образовавший восьмую роту. Полк стал двухбатальонным. Командирами батальонов были назначены: первого — А. М. Осколков, второго — И. А. Ослоповский.

В полку возросла партийная и рабочая прослойка. Коммунисты стали целеустремленнее вести партийно-политическую работу. Началось обучение личного состава, не имеющего военной подготовки.

На третий день роты полка приняли бой под селами Колчедан и Травяное. 25 июля пал Екатеринбург. Белохечи стремились с выходом на ст. Богданович отрезать нашу войсковую группировку у Каменского завода. Учтя обстановку, полк, не принимая боя, отошел к ст. Богданович, далее — на Егоршино и занял линию обороны по реке Пышма — Сухой Лог — с. Курьи — Поварня. Левее оборонялся 4-й Уральский полк.

На этом участке красные полки и отдельные боевые отряды, несмотря на губительный артиллерийский и пулеметный огонь

противника, сдерживали в течение трех недель продвижение по железной дороге Богданович — Егоршино крупной белогвардейской группировки войск полковника Смолина, сына курганского купца Смолина.

Смолин-младший был матерым врагом Советской власти, рядившимся, как и его отец, под маску демократа. «За великую Русь, за сохранение ее культуры от красных варваров!» — поднимал он тосты на вечерах и обедах.

И вместе с этим по его приказу закапывали в могилы живых людей, сжигали села.

Новые красные полки были для Смолина крепким орешком. Они дрались самоотверженно, беззаветно, высекая из рядов белых все новые и новые жертвы. Лишь предательство курьинского кулака Дружинина, который вывел батальон белых в тыл одного из красногвардейских отрядов, предрешило отход красных полков к станции Егоршино.

Полк занял оборону по линии Елкино — Ирбитские вершины — станция Антрацит — Егоршино. Левый участок оборонял 4-й Уральский полк.

В боях на Сухоложско-Курьинском направлении белые вновь проявили зверства по отношению к красным воинам. Захваченные в плен Т. Балин и А. Чистяков после жестоких пыток были полуживыми брошены в каменный карьер, а коммуниста И. Куницына, раненного, на глазах жителей с. Курьи закололи штыком.

Тяжело переживали однополчане потерю своих близких боевых друзей. За поругание и смерть, за слезы матерей и сестер, за свободу Республики Советов шли бойцы на смертный бой.

2

В начале августа 1918 года командир полка Петр Никитич Подпорин был отозван в бригаду. Во главе Первого Крестьянского Коммунистического стал его боевой помощник Филипп Егорович Акулов, человек исключительной храбрости, в прошлом — полный георгиевский кавалер. Красноармейцы привыкли: там, где трудно или опасно, всегда появится Акулов, и, услышав его любимую фразу «бузуй, ребята!», ободрялись и дрались с новыми силами.

7 августа 1918 года военным комиссаром полка был назначен Александр Алексеевич Юдин[27].

Пятую роту полка пополнила прибывшая Ильинская дружина. Командиром роты был назначен коммунист А. Полуяхтов. За счет

красногвардейского отряда, прибывшего из Камышлова, образовали девятую роту, которой стал командовать коммунист И. Маркелов. Были организованы команды: конных разведчиков, пулеметная, связи, пеших разведчиков, саперная, комендантская и нестроевая рота для хозяйственного обслуживания. Полк был переформирован в трехбатальонный состав. Командирами батальонов стали: первого — А. И. Кобяков, второго — И. А. Ослоповский и третьего — В. Д. Жуков, прибывший из Камышлова с красноармейским отрядом.

…Реорганизован был и штаб полка. Он состоял теперь из оперативной, строевой и хозяйственной частей.

Существенное значение для усиления боевых действий против белогвардейцев имело образование первой бригады, в которую вошли полки 4-й Уральский, 1-й Камышловский, 1-й Крестьянский Коммунистический, 1-й Горный кавэскадрон, артбатареи и бронепоезд. Командиром бригады был назначен бывший председатель Камышловского уездного исполкома и уездный военный комиссар Макар Васильевич Васильев. Бригада подчинялась 1-й Уральской восточной дивизии 3-й армии Восточного фронта.

Макар Васильевич Васильев.

Егоршинский район имел важное оперативное значение. Это — узел железнодорожных путей. Он являлся более надежным районом, так как подавляющее большинство крестьянского населения здесь были батраки и бедняки. Активно поддерживали Советскую власть рабочие угольных копей и железнодорожного транспорта. В общем налицо сложились все условия для длительного удержания района.

Белые, продвигаясь к Егоршино, сосредоточили на этом участке крупные силы. Здесь действовала группировка белогвардейских войск в составе четырех степных полков, Шадринского отряда добровольцев, четырех сотен акмолинских казаков, артиллерии из четырех легких и двух гаубичных батарей, бронепоезда. Ставилась задача: во что бы то ни стало захватить Егоршинский узел — опорный пункт обороны красных.

Белогвардейцы имели на этом участке трехкратное превосходство сил. Но красные бойцы сражались упорно и мужественно, сдерживая наступление.

Полтора месяца продолжались оборонительные бои. Первый Крестьянский Коммунистический полк вместе с 4-м Уральским и 1-м Камышловским полками при двух батареях и бронепоезде сковывали, парализовывали белогвардейские части, нанесли им сильные удары. Бои за Ирбитские вершины, деревню Елкино, станцию Антрацит, которые несколько раз переходили из рук в руки, были тяжелыми, с явным превосходством сил и огневых средств противника.

Александр Алексеевич прибыл в штаб первой бригады утром 7 августа. Командир М. В. Васильев, прочитав направление штаба дивизии, радостно улыбнулся:

— В нашем полку прибыло. Позвоните Филиппу, пусть приезжает, — обратился он к стоявшему у дверей вестовому.

Часа через три приехал Филипп Акулов, командир полка, такой же, как и командир бригады, плотный, с добродушно разлетевшимися бровями.

Командир полка «Красные орлы Филипп Егорович Акулов.

— Знакомься, Акулов, с новым комиссаром.

— Юдин, — протянул полковому ладонь Александр Алексеевич.

— Акулов.

На рассвете 9 августа, когда Юдин и Акулов были уже в полку, пришло из дивизии сообщение — белые, сосредоточив до полка пехоты, при поддержке артиллерии перешли в наступление. Их цепи вышли на рубеж для атаки. Акулов созвал командиров батальонов и, обращаясь главным образом к командиру первого батальона, дал приказ:

— Только атаковать, только вперед!

Юдин решил с первого же дня быть как можно больше с красноармейцами, поэтому заседлал коня и поехал в первый батальон, который должен был по сигналу командира полка ринуться в бой.

Пробравшись лесами к восточной стороне Ирбитских вершин, батальон остановился на короткий отдых. Красноармейцы бесшумно, вполголоса переговаривались в темноте, приглушенно смеялись.

— А что, ребята, говорят, комиссар новый с нами. Вот бы про мировую революцию рассказал.

— Погоди, дай ему ознакомиться. Хороший, сказывают, мужик, умный.

Юдин подошел к бойцам. Заметив его, замолчали.

— Садитесь, товарищ комиссар, — смущенно пригласил один из них. — Мы вот про Антанту у вас спросить хотели. Правда ли, что белякам американец помогает?

— Правда, товарищи! — ответил Юдин. — Империалисты боятся народной власти. Наша власть как добротное зерно, хоть в суглинке прорастет. Вот они и боятся, что широко она может разметнуться.

— Страшно, значит, гадам стало.

— Пусть трясутся.

— Не бывать все равно по-ихнему.

— Эх, скорей бы кончить войну. Руки чешутся по работе, — заговорил во тьме солдат. В свете цигарки Юдин увидел курносое, доброе лицо и глаза, полные тоски. Позже он узнал его фамилию, бойца звали Балин.

Перед рассветом в небо, изогнувшись змеей, взвилась зеленая ракета. Цепи противника двинулись на первый батальон. Бойцы вжались в землю, замерли. Вот белопогонники уже в 50 метрах… Ударили пулеметы, прижали врага к земле.

— Вперед, ура! — рванулась по красным цепям команда. — Ура!

Юдин врезался в самую гущу колчаковцев и не замечал, как удаляется от своих. В узеньком, длинном переулке, между двумя плетнями он нагнал двоих. Балин, следивший за комиссаром, вывернув из-за угла, увидел, что комиссар прижал к плетню и застрелил рослого рыжего унтера. Другой колчаковец поднял руки вверх. За плетнем по огороду на четвереньках полз третий. Это был офицер. Балин, пригибаясь так, чтобы враг его не заметил, побежал к офицеру. В тот момент, когда офицер, положив револьвер на плетень, прицелился в голову Юдину, Балин встал. Пуля обожгла ему руку. Схватив колчаковца за глотку, Балин ударил его по физиономии. Но колчаковец враз подмял его под себя.

Юдин, увидев происходящее, поспешил на выручку. Офицера обезоружили, оглушив прикладом.

— В вас хотел стрелять, товарищ комиссар, — говорил бледный Балин. На синем его лбу висели крупные капли холодного пота. Гимнастерка и брюки были в крови, он еле держался на ногах.

— Спасибо, спасибо, дорогой, — сказал Юдин, перевязывая

красноармейца.

А бой продолжался. Продвинулись к центру села цепи. Юдин поспешил на помощь комбату А. И. Кобякову.

Раненый Балин встал в цепь со всеми.

— Врете, не уйдете, гады! — ругался он.

Вторая пуля прервала жизнь этого красноармейца.

Пример храбрости показали в этом бою отец и сын Хорьковы. Они сражались вместе. Отец, будучи тяжело раненным, умер на руках сына — шестнадцатилетнего Лени. И сын дал клятву отомстить за жизнь отца.

В полдень в деревушке собрали митинг. Красноармейцы и местные жители клялись в верности Республике Советов. К вечеру бойцов развели по квартирам, зазвенела гармошка, полились песни.

Юдин долго сидел в штабе полка — пустующем доме какого-то богача — читал газету «Красный набат», потом вышел на крыльцо, закурил, вслушался в разноголосый говор укладывавшегося спать села.

— Товарищ комиссар, — доложил вестовой, — вас спрашивают.

— Кто?

— Там, у ворот.

— Впустите! Чего ж вы? — Есть впустить!

Это была приехавшая из дивизии Мария Ивановна. Радости Юдина не было границ. С этого дня они не расставались.

В первой декаде сентября в районе обороны участка Реж — Покровское в Волынском полку произошел из ряда вон выходящий случай. До этого полк имел добрую боевую славу. Его бойцы совершили немало славных дел в борьбе за власть Советов. Но вот в один из сентябрьских дней в часть прибыло пополнение из Режевской и Покровской волостей, мобилизация в которых была проведена в спешном порядке, без тщательного отбора и проверки. В результате в составе оказалось значительное число кулаков и подкулачников. Они-то и подняли мятеж, учинив расправу над преданными Советской власти командирами, разоружив большую часть личного состава. Был оголен фронт протяженностью 20 километров на участке между станциями Реж и Егоршино. Подступы к тыловым объектам оказались открытыми. Этим воспользовались белые. Они ввели в прорыв свежие части, поведя наступление на Егоршино.

Обстановка требовала немедленных мер. Оголяя участок под Ирбитскими вершинами, командир полка Акулов срочно перебросил второй батальон и кавалерийский эскадрон Прокофьева на Покровское. Под его командованием эти

подразделения атаковали Покровское. Лихой, стремительный налет решил исход боя. Белые были разбиты.

Прорыв на Режском участке был ликвидирован третьим батальоном.

Вот как рассказывает об этом боевой пулеметчик полка, ныне Маршал Советского Союза Филипп Иванович Голиков:[28]

> «Из Ирбитского завода наш батальон срочно вернулся на станцию Егоршино и, чуть передохнув, направился к Режскому заводу. Марш проходил в глубокой тайне, в обход белогвардейских частей.
>
> Мы спешили на помощь Волынскому полку.
>
> Мне этот марш крепко запомнился.
>
> Бывает так: все делаешь день за днем машинально, не вдумываясь, а потом вдруг что-нибудь заденет за душу, и сразу увидишь настоящий смысл своего поступка. Так вот и со мной случилось во время вчерашнего марша. Хочу описать все по порядку.
>
> Двум ротам нашего полка предстояло обойти врага и разбить его.
>
> Знали ли мы силы неприятеля? Нет, не знали. Мы даже не задумывались над этим, но понимали: во имя революции надо победить, и верили в победу. Мы надеялись на свою смелость, на неожиданность удара.
>
> Красноармейцы шли молча, изредка перекидываясь словами. Впереди сосредоточенный, задумчивый командир батальона товарищ Жуков. За ним мы, пулеметчики, потом роты. Замыкающим — конный отряд.
>
> Завтра, может быть, на нашем пути встанут горы, протянутся реки. Мы преодолеем их! Нас ничто не остановит.
>
> После десяти часов тяжелого пути роты вышли в район Режского завода. Несмотря на усталость, люди чувствовали себя на подъеме, крепко сжимали в руках винтовки.
>
> Быстро рассыпались в цепь, дружно двинулись вперед.
>
> Враг сумел избежать окружения, но вынужден был отступить на три версты от завода. Однако и здесь ему не удалюсь закрепиться. Наши роты совместно с бронепоездом, который до этого входил в отряд матроса Хохрякова, вышибли беляков с их новой позиции и отогнали до следующей станции.

Не только у нас, бойцов, но и у командиров воинское образование недостаточное: кто побывал в учебной команде, кто учился на фронте. Однако мы побеждаем и будем побеждать. Уверенность в своей правоте, ненависть к угнетателям, беззаветная отвага — вот что помогает нашим красным смельчакам громить вековых врагов во славу и имя мировой революции.

Мы вовремя успели к Режскому заводу. Весь город был в руках мятежников. Верные Советской власти остатки Волынского полка с трудом удерживались на его окраине. Наше появление помешало белогвардейцам, наступавшим от Екатеринбурга, соединиться с восставшими. Батальон вместе с волынцами вернул завод. Большая, хорошая победа!

В Режском заводе простояли более суток. Сюда подошел весь полк, так как положение здесь очень серьезное.

Наша рота — в ней человек около ста — поставлена между Режем и селом Покровским.

Покровское у нас в тылу. Это огромное село длиной в 10 верст. Оттуда мы ничего худого не ждали. Но рано утром, едва стало рассветать, нас подняли по тревоге и приказали: «Бегом к Покровскому».

В чем дело, не ясно. Оказывается, село занято восставшими, и их не мало.

Наша задача: перехватить железную дорогу на Реж и не пропустить банду в сторону завода, в тыл к нашему полку.

Солнце уже взошло, когда мы приблизились к селу. Залегли длинной редкой цепочкой вдоль насыпи.

Село видно хорошо, особенно церковь. Между полотном железной дороги и селом — плетень, отделяющий поскотину от полей. На полях — высокие хлеба. Помню, у меня мелькнула мысль: «Хороший урожай будет».

Но долго думать об урожае не пришлось. Едва заняли позицию и установили «максим», восставшие пошли в наступление. Наступало несколько сотен. Деревня буквально кишела мятежниками.

Наша рота открыла огонь из винтовок и пулеметов. Шабанов взялся за ручки «максима» и выпустил очередь. Он очень горячился, нервничал, и пули ложились шагах в ста от нас. Аникин пытался поправить, но Шабанов ответил ему своими излюбленными выражениями.

Повстанцы перелезли через изгороди, приближаясь к железнодорожному полотну. Я уже различал их лица. Но тут, наконец, наш «максим» перестал «пахать землю» и крепко ударил по наступающим. Они сначала залегли, потом начали отходить. Однако через некоторое время снова рванулись вперед. «Максим» опять заставил их вернуться в село… И так повторялось несколько раз…

Пока сдерживали мятежников, подходило подкрепление. Через час появилась еще одна рота, потом полковая батарея, командир которой товарищ Лашкевич, меткий артиллерист. Наконец, часам к одиннадцати подошел Путиловский Стальной кавалерийский дивизион товарища Прокопьева, а вскоре и бронепоезд товарища Быстрова.

Всеми нами командовал Ф. Е. Акулов. Село было зажато в полукольцо. Батарея разбила колокольню, на которой сидели вражеские наблюдатели, и кавалеристы ворвались в Покровское.

Сердце ликовало, когда я увидел устремившихся вперед красных конников.

Мы одержали полную победу. Восставшие сдались. Организаторы мятежа — офицеры и кулаки — взяты в плен».

Об этом бое в приказе по дивизии за № 44 было сказано: «Молодецкая атака решила исход боя, сорвав план противника». Филиппу Егоровичу Акулову объявили благодарность. И он вместе с Александром Алексеевичем радовался победе от души.

3

Ушли с Егоршинского направления боевые спутники Первого Крестьянского Коммунистического полка. Полк остался один. Увидев это, белые решили оседлать железную дорогу Егоршино — Алапаевск — Нижний Тагил и разгромить полк. Но попытка не удалась. Полк отошел и занял оборону по линии Н. Синячиха — Алапаиха — Алапаевск. Во время отхода пришлось вести сильные оборонительные бои под Арамшево — Коптелово — Таборы, а также бой за Алапаевск. В этих боях и погибли комбат-3 В. Д. Жуков и командир седьмой роты И. Басов.

С горечью и болью пишет об этом Ф. И. Голиков:

«Хочу занести в свою тетрадь некоторые детали этого боя. Когда-нибудь потом, если останусь жив, буду

читать дневник и вспоминать добрым словом моего первого комбата Василия Даниловича Жукова.

В окрестных лесах собирались добровольческие отряды офицеров и кулаков. К полудню человек пятьсот белогвардейцев начали наступление. Против них была всего лишь одна рота. Офицеры и кулачье окружили ее.

Когда стало известно, что наши отряды отрезаны, товарищ Жуков из Алапаевска с двумя ротами пошел на выручку. Окруженные, стойко отбиваясь, сумели вырваться из деревни и присоединиться к своему батальону. Батальон в полном составе дважды атаковал противника и оба раза вынужден был откатываться назад. Только в третий раз удалось опрокинуть врага штыковым ударом.

Мост через реку был сломан. Обезумевшие от страха белогвардейцы кидались пв воду, тонули. Над рекой неслись дикие крики: «Жуковцы! Опять здесь жуковцы!»

А Жуков в это время лежал без движения, тяжело раненный осколком снаряда. Он истекал кровью. Через несколько часов он скончался».

28 сентября полк, оставив Алапаевск, отошел от линии железной дороги на станцию Ясашная, имея задачей соединиться с частями своей дивизии. На станции Ясашная в полк влились бойцы из отряда С. Павлова, (в том числе взвод Алапаевекого союза молодежи. Это были задиристые, отважные парни, лет 16—20. С их приходом силы полка окрепли. Партийная прослойка в полку увеличилась до 40 процентов. Комиссар Александр Алексеевич Юдин распределил силы коммунистов так, что они были в каждом подразделении.

Полк двигался в направлении Нижнего Тагила.

Что происходило там?

Белогвардейцы в ночь на 4 октября захватили узловую станцию Сан-Донато, а 5 октября Нижний Тагил. Дорога полку была отрезана, а Акулов вместе с Юдиным решили пробиться через станцию Сан-Донато, выйти на Кушву. Но попытка не удалась. Полк вынужден был отойти к станции Салка, заняв населенные пункты Верхняя и Нижняя Салда. Оставался один путь — через леса, горы на Кушвинский завод.

Л. А. Юдин (в центре) среди командиров и политработников полка «Красные орлы».

8 октября качался этот поистине героический путь.

Серая осенняя хмарь. Беспрестанный дождь. Тысячи людей. В беспросветной дождевой пелене желтые поля.

Лес втянул в себя медленную мокрую колонну. Хмурые лица, мерное чавканье грязи под ногами. Лишь иногда заиграет где-то гармоника:

Эх, яблочко,
С боку зелено,
Нам не надо царя —
Надо Ленина.

А тропинка все уже и уже.

Люди идут всю ночь. Их надо кормить. Но кормить почти нечем.

Кругом болота, серая, промозглая хлябь.

Александр Юдин, Филипп Акулов молча переглядываются. Юдин хмурится и сжимает зубы. Акулов, стараясь поднять настроение бойцов, кричит свое любимое:

— А ну, ребята, бузуй!

— Бузуем, товарищ командир!

Идут тысячи людей: бойцы, рабочие, дети, женщины. Полк с артиллерией, с обозом. Шаг — и по колено в грязи… Падают

люди, бьются в постромках лошади… Несется по цепи приказ:

— Разобрать снаряды из передков, взять по одному на брата!

Медленно-медленно движется колонна. Детишки, старики, женщины на подводах в хвосте ее. Кто плачет, кто жует краюху черствого хлеба, кто мечется в приступе лихорадки. Несется ропот: «Связались с бабами, а приказ кто выполнять (будет?»

Юдин не спал трое суток. Да, люди свои, наши, рабочие люди. Это верно. Но обоз задерживает движение.

— Давай приказ, Филипп Егорович! Пусть сгружают лишнее добро с подвод. Иначе — гибель!

И приказ такой был дан. Начали насильно сгружать с подвод все лишнее.

> «Кто-кто, а мы хорошо понимали, каково женщинам лишиться своего скарба, (годами накопленного на трудовую копейку, — писал впоследствии Ф. И. Голиков. — Но иного выхода не было. Ведь это делалось, чтобы спасти жизнь тем же женщинам, детям, старикам и иметь возможность снова бить врагов революции.
>
> Я отлично понимал, насколько все это правильно. Однако у меня остался тяжелый осадок после «пухового побоища»… Пишу, а у самого и сейчас перед глазами стоят охваченные горем женщины, слышу их жалобы, ругань, плач…»

. . . . . .

Путь полка был поистине героическим. Это тоже был «железный поток». 80-километровый переход совершили за четыре дня. Он проходил в условиях полного бездорожья и при отсутствии продовольствия.

К утру 12 октября полк вышел к Кушвинскому заводу. Встреча с Красной Армией была очень трогательной. Ведь полк считали погибшим.

Во время перехода в подразделениях проводилась под руководством А. А. Юдина большая политическая работа. Она рождала у бойцов и командиров уверенность в победе, закаляла их характер, воспитывала стойкость.

На третий день после соединения с основными силами в Кушве полк вновь участвовал в боях, на этот раз за высоту Безымянную, Б.-Лаю и завод Баранча.

17 октября белые, сосредоточив на Кушвинском направлении седьмую уральскую пехотную дивизию генерала Голицына, перешли в наступление. Потеснив с обороняемых участков 17-й Петроградский и 3-й Екатеринбургский полки, они овладели Б.-

Лаей и Баранчой, вплотную подойдя к Кушвинскому заводу. Их замысел состоял в том, чтобы разбить и уничтожить наши войска, расположенные в районе Кушвинского узла, проложить путь на г. Пермь. Над Кушвой нависла серьезная опасность.

Командование бригады поставило перед полком задачу — сорвать этот замысел белых. По инициативе командира первого батальона Кобякова и при одобрении начальника штаба Леонида Афанасьевича Дудина был предпринят обходный маневр. Два других батальона должны были нанести удар в лоб. Неожиданное (появление в тылу противника наших войск и стремительный лобовой удар вызвали панику в стане белых. В образовавшийся прорыв устремились красные батальоны. Приказ был выполнен, положение восстановлено.

В этом бою исключительную храбрость проявил командир первого батальона А. И. Кобяков и начальник пулеметной команды А. С. Таланкин. Переодевшись в форму белогвардейского офицера, Таланкин проник на передовую линию белых и, перебив прислугу станкового пулемета, открыл из него огонь по белогвардейцам.

Произошел и такой случай. Командир взвода первой роты Д. А. Шелементьев потерял от пулемета «льюис» треногу. Что делать? В преследовании врага дорога каждая минута. Он быстро установил пулемет на спине бойца Давыдова и открыл огонь по метавшимся в панике белякам.

4

Нарядными полушалками покрылись осины, зазвенели под сиверком березки. Тревожные косяки журавлей плыли в белесом небе. Мария Ивановна часто бывала среди бойцов. Красноармейцы видели в ней старшего товарища и хорошего друга. Она, как и муж, была добрым и простосердечным человеком. Умела найти общий язык с бойцами.

Она и предложила комиссару выделить для дивизионной газеты «Окопная правда» (редактором ее работал Павел Петрович Бажов) полкового корреспондента.

Сотрудники газеты 29-й дивизии. В центре — редактор газеты П. П. Бажов.

— Все полки, — сказала она, — таких корреспондентов имеют. На полковой конференции мне рассказывали об этом камышловцы.

— Кого же можно назначить на эту должность?

— Есть в третьем батальоне пулеметчик, боевой, веселый и грамотный парень, Филипп Голиков. Лучшего не найдешь.

В этот вечер Александр Алексеевич долго разговаривал с Голиковым.

— Жалко расставаться с друзьями! — говорил парень.

— Так я же тебя к ним отпускать буду. Какой же ты будешь корреспондент, если не будешь знать, как живут красноармейцы?

— Правильно, товарищ комиссар! — бойкие глаза пулеметчика сияли. — Только сумею ли я все правильно описать?

— Сумеешь. Не боги горшки обжигают.

И вот Филипп Иванович рядом с Юдиным. В дневнике своем он пишет о тех днях:

> «Постепенно привыкаю к товарищу Юдину. По первому впечатлению он мрачноватый, молчаливый. Невольно испытываешь робость перед этим большим, грузным матросом-черноморцем, перед его густым басом… Комиссар наш в обращении с красноармейцами прост, душевен. Во время боя, я это не раз видел,

товарищ Юдин верхом выезжает на позиции, словно ему и пули нипочем».

Успешные действия Первого Крестьянского полка позволили командованию бригады снять с позиций Петроградский и Камышловский полки и перебросить их под станцию Кын.

А вот приказ командующего третьей армией Восточного фронта Р. И. Берзина от 22 октября 1918 года № 334-а:

> «В последних боях на тагильском направлении, когда яростные атаки врага, значительно превосходившего нас в силах, были направлены к прорыву нашего фронта, в это критическое время начальником дивизии был брошен его последний резерв — 1-й Крестьянский Коммунистический стрелковый полк. От стойкости и мужества этого полка зависела участь дивизии, а с нею и фронта. Полк принял на свои плечи всю тяжесть боевой обстановки. Стремительным ударом он бросился на врага и, соединив разумное командование с храбростью истинных сынов революции, разбил наголову противника. В воздаяние воинских заслуг, мужества и храбрости, проявленных на поле сражения 1-м Крестьянским Коммунистическим стрелковым полком, ВЦИК на своем заседании постановил: наградить этот полк Красным знаменем — символом выдающихся заслуг перед пролетарской революцией».

Есть в этом приказе и такие проникновенные слова:

> «На поле боя драгоценной своей кровью куются пролетарские силы, на долю которых выпала грозная и почетная задача — грудью измученного народа отстоять его свободу»[29].

Приказом по дивизии 24 октября 1918 года части было присвоено гордое наименование полка «Красные орлы». С этих дней и зазвучала на Урале и в Зауралье боевая красноармейская песня:

> Победим лишь только мы,
> Только красные герои,
> Только «красные орлы».

27 октября 1918 года, день вручения полку Красного знамени ВЦИК, навсегда остался в памяти бойцов и командиров прославленной части, трудящихся Урала и Зауралья. Знамя в торжественной обстановке на Кушвинском заводе вручал представитель ВЦИК в присутствии командующего, члена Военного Совета, политкомиссара 3-й армии фронта.

Проходящая в октябре дивизионная партийная конференция послала приветствие полку, где говорилось:

> «Первая партийная конференция сводной уральской дивизии шлет свой братский привет Первому Крестьянскому Коммунистическому полку. Конференция с восторгом следит за победным шествием славного из славных полков. Не успев отдохнуть от последних боев и неимоверно трудного перехода, вы, наши старые боевые товарищи, железным кулаком ударили по противнику и обратили его в бегство.
>
> Конференция гордится, что имеет в своем составе делегатов героического полка. Честь и слава гордости нашей дивизии — Первому Крестьянскому Коммунистическому полку!»

На торжестве было много представителей других дивизий, из столицы прибыл уполномоченный ВЦИК, из Перми — командующий армией, член Реввоенсовета и политкомиссар.

Старая Кушва в тот день цвела красными флагами. Утром на станцию Гороблагодатную для встречи прибывших от полка представителей (все красноорловцы не могли быть на торжестве: шли бои) был выслан почетный караул. В полдень около памятника жертвам революции состоялся митинг. Политкомиссар 3-й армии Голощекин вручил знамя Филиппу Егоровичу Акулову, который после 16 октября командовал уже бригадой. Акулов, в свою очередь, передал высокую награду вновь назначенному командиру полка И. А. Ослоповскому. Ослоповский передал стяг знаменщику Якову Овсянникову и его ассистентам Филиппу Голикову и Саше Мясникову, алапаевекому комсомольцу.

На трибуну поднялся комиссар Александр Юдин. Густой бас его гудел над площадью:

— Наш полк удостоился получить великую награду. Мы, бойцы Крестьянского Коммунистического полка, знаем, что она заслужена. Наш полк совершил много славных и действительно героических подвигов. Он своею кровью обильно полил поля сражений и не раз спасал положение на фронте, грудью своей избавляя от гибели другие части. Первый Коммунистический Крестьянский полк с первого дня вооруженной борьбы на Урале

боролся с неослабевающим мужеством и храбростью и до сих пор не имеет ни одного темного пятна![30]

Гудели медные трубы оркестра. Рукоплескали закаленные в боях красноорловцы. Их гордости не было предела.

5

Крестьянский парень Саня Юдин, матрос, а затем моторный, унтер-офицер первой статьи Черноморского флота, большевик, комиссар полка! Его очень любили бойцы. Любили за простоту и скромность.

Часто бывало так. Организует Александр Алексеевич какое-нибудь мероприятие, а потом хвалит своих бойцов: «Молодцы! Правильно!»

Приближалась первая годовщина Великого Октября. Александр Алексеевич вместе с полковым корреспондентом Филиппом Голиковым, подвижным, веселым пареньком, и работниками политотдела Басаргиным и Мендельсоном, верхами направились в Малую Лаю. Следом за ними в розвальнях везли для красноармейцев праздничные подарки. Народ заботился о своих защитниках. В беленьких мешочках — пачки махорки, курительная бумага, спички, нитки, иголки.

Радовались бойцы, и Александр Алексеевич был доволен. После открытия митинга он предоставил слово Филиппу Голикову.

Вот как вспоминает Филипп Иванович об этом случае:

> «Я вышел вперед, снял шапку и начал свою речь. Когда заговорил, так волновался, что не слышал собственного голоса, не различал перед собой людей. Первое мое выступление в Красной Армии да еще в такой день!
>
> Говорил минут двадцать. Остановился на текущем моменте, на героических боях Красной Армии против белогвардейцев и мировой буржуазии, на революционной борьбе рабочего класса других стран, на задачах нашего полка «Красных орлов». Красноармейцы слушали внимательно, сочувствовали моим переживаниям. После речи стали задавать вопросы. Я отвечал, как умел. Завязался общий разговор. Потом я достал привезенные с собой газеты и листовки. На них набросились с жадностью, и в две минуты от большой пачки ничего не осталось.

Товарищ Юдин меня ободрил. Сказал, что получилось неплохо, что надо выступать почаще и не к чему так волноваться»[31].

Грозные и горькие это были дни. С тяжелыми боями отступали, оставляя дорогие сердцу места. Пали многие города, разрушены сотни заводов, сожжены села.

Владимир Ильич Ленин внимательно следил за событиями на Урале. Еще 10 августа он обратился в Высший Совет с таким письмом:

В. с е к р е т н о

В собственные руки М. Д. Бонч-Бруевичу

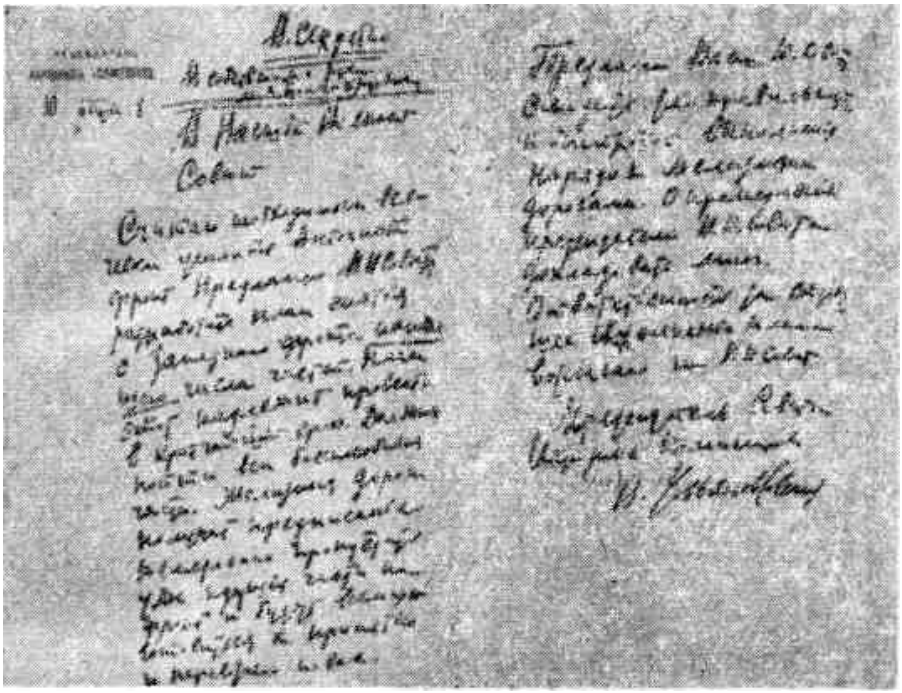
Считаю необходимым всячески усилить Восточный фронт. Предлагаю Высшему военному совету разработать план снятия с Западного фронта *наибольшего* числа частей. План этот надлежит провести в кратчайший срок. Должны пойти все боеспособные части. Железные дороги получат предписание немедленно пропустить уже идущие части на фронт и будут всемерно готовиться к принятию и перевозке новых.

Предлагаю Высшему военному совету следить за правильностью и быстротой выполнения нарядов железными дорогами. О промедлениях председателю Высшего военного совета докладывать мне.

Ответственность за скорейшее исполнение плана возлагаю на Высший военный совет.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)[32].



Письмо Ленина в Высший Военный Совет от 10 августа 1918 года.

Наступил 1919 год. Красные орлы вели тяжелейшие оборонительные бои на подступах к Перми.

Однажды А. А. Юдин и Ф. И. Голиков выехали верхом на передовую к бойцам 3-й роты, охранявшей фланг полка. Пулеметные трели, будто дробь дятла, рассыпались по лесу. До села оставалось совсем недалеко, когда впереди показалась группа панически бегущих красноармейцев.

— Стой! Что вы делаете?! — крикнул Юдин, и разгоряченная толпа остановилась.

— Кто разрешил уходить с позиций?

— Там белых тыща!

— Хватит кровь проливать, кому надо, тот пусть наступает!

Было понятно: сдали нервы, люди потеряли голову.

Юдин побледнел, вырвал из чехла револьвер и, приподнявшись на стременах, закричал:

— Трусы! Предатели революции! Не хотите идти в село — один пойду!

И, развернувшись, галопом помчался вперед. За ним летел на своем боевом коне Филипп Голиков и командир взвода коммунист Лескин. Подлетели к околице. Как раз в эту минуту на выходе из села показалась колонна вражеских солдат. Встреча для тех и других была неожиданной. Высокий офицер, ехавший

впереди колонны на коне, спросил:

— Кто такие?

Вместо ответа смельчаки ударили из наганов. Солдаты бросились врассыпную к домам и заборам села. Умчались назад красные конники целыми и невредимыми.

И. А. Ослоповский, командир батальона, впоследствии командир полка «Красные орлы». Умер в 1957 году в Москве.

Вечером комполка сердито выговаривал Александру Алексеевичу:

— Других наставляешь, комиссар, а сам куда лезешь?

— Хотел личным примером увлечь!

— Мог бы погибнуть.

— Что вы все о гибели говорите, товарищ Ослоповский, того и гляди, слезу пускать начнете.

— И не только потому, товарищ Юдин. Не только. Почему та же самая рота убежала из села? Почему?

Нервы не выдержали, началась ссора. Филипп Иванович Голиков рассказывает об этом так:

> «В эту ночь мне впервые пришлось быть свидетелем ссоры между командиром и комиссаром. Я лежал на

полатях, когда они начали обвинять друг друга в упущениях. Никогда такого еще не слышал. Разругались настолько крепко, что командир плюнул, хлопнул дверью и скрылся в горнице. Комиссар остался на кухне.

Время шло, никто не принимал мер для наведения порядка. Скоро рассвет, а никакие приказы еще не отдавались.

Я подумал, слез с полатей. На табурете сидит товарищ Юдин. Обхватил голову руками, смотрит в пол.

Заглянул в горницу. Там из угла в угол шагает комполка. Я вернулся на кухню, набрался решимости и говорю комиссару, что сейчас не до ссор, надо меры принимать, время-то не ждет. Комиссар словно бы очнулся. Вижу, злости у него против командира нет.

Потом я зашел в горницу и сказал товарищу Ослоповскому то же самое, что и военкому. Минут через пять товарищ Юдин тоже вошел туда, протянул командиру руку. Сели как ни в чем не бывало за стол и принялись обсуждать, что же делать дальше…»

6

Пермь и Глазов, Комарихинская и Селянка, Шабунчи и Чайковская, Тюфнята, Афонята, Васечата! Немало под этими городами и селами полегло наших бойцов. Не раз командиру полка и комиссару передавали по телефону угрозы: «Повесим». Для пленных из полка «Красные орлы» была уготована особая смерть, с издевкой, с надругательствами.

Красная Армия, благодаря заботам партии, Владимира Ильича Ленина, окрепнув и пополнившись свежими силами, развернула наступление. Полку «Красных орлов» был присвоен номер — 253.

С 13 июня 1919 года, после разгрома белых на участке Юмская, началось наступление. Начался обратный, победный путь.

В марте Александра Алексеевича Юдина избрали делегатом Всероссийского съезда Советов. В начале августа он был назначен комиссаром второй бригады 29-й дивизии.

Настала пора прощаться с друзьями-однополчанами. Их было много: Ф. И. Строганов — председатель полкового партийного комитета, А. М. Цеховский, М. Д. Ковригин, И. И. Басаргин, П. М. Тарских, И. А. Ослоповский и многие-многие другие.

Крепко обнялись друзья на прощанье, хотя вряд ли кто из них

догадывался, что прощаются с Александром Алексеевичем в последний раз.

V. ЛЮДИ, ПОМНИТЕ!

Летом 1919 года Антанта направила Колчаку новые партии оружия, обмундирования, боеприпасов. Французская военная миссия передала две эскадрильи самолетов, одна из которых уже бомбила в августе военные эшелоны красных на станциях Курган и Лебяжье.

Колчак стремился создать боеспособные дивизии, которые смогли бы пойти в контрнаступление против Красной Армии: на каждых десять солдат приходилось почти по одному офицеру и по три унтера. Было преимущество перед Советами и в коннице. Колчак лично инспектировал армию, раздавал направо и налево кресты, повышал в чине.

В сентябре колчаковские войска перешли в контрнаступление. Ощутительные удары были нанесены тридцатой советской дивизии. Несмотря на упорное сопротивление, которое оказывали «штурмовым» казачьим войскам 2-й белой сибирской армии 262-й Красноуфимский полк, 266-й рабочий стрелковый полк имени Малышева и другие части, красным все-таки пришлось отступить; отступили и полки 29-й дивизии.

Но отступление войск Восточного фронта продолжалось недолго. Все резервы противника к концу октября были израсходованы. Попытки Колчака окружить и уничтожить советские части путем кавалерийских рейдов кончились провалом.

Закрепившись на Тоболе, 3-я Красная Армия была пополнена силами, вооружением.

В селе Мокроусово, в большом каменном доме купчихи Кетовой, расположился штаб 2-й колчаковской армии[33].

Рано утром к дежурному вошел человек в черном одеянии. Он степенно расселся на стуле и любезно попросил:

— Доложите обо мне господину полковнику Бугрову!

Унтер, дежурный, подошел к черному и впился в него глазами.

— По какому делу, откуда?

Незнакомец отвернул полу поддевки, погладил курчавую бородку и важно ответил:

— Это тебя не касается, господин унтер!

— Как, не касается?

— Да так. Веди скорее к их благородию, полковник Бугров скажет, кто я, если ты уж очень любопытен.

Унтер струсил: «Черт его знает, может, тайный агент какой!»

Он повел незнакомца в штаб.

В приемной их встретил дежурный офицер. Он пренебрежительно посмотрел на пришельца, выслушав доклад унтера, сказал:

— Обождать в коридоре, в приемную не входить. Ясно?

— Так точно, — скороговоркой гаркнул унтер и быстро вышел с посетителем в коридор.

— Ты что же, знакомый полковнику будешь?

— Есть немножко, — ответил уклончиво незнакомец.

— А случаем, не от красных, не с той стороны?

— Любопытен ты очень, а еще в особом отделе служишь.

Открылась дверь, негромко сказали:

— Заходите, Елионский!

Да, это был Елионский! Скрываясь от красных, он долго жил в глухой деревушке Медвежье, недалеко от станции Голышманово. Русая бородка, картуз. С приходом колчаковцев он стал героем: его включили в список пострадавших от коммунистов.

— Здравия желаю, ваше благородие, — весело приветствовал он полковника.

— Здравствуй, Елионский! Ну, садись, рассказывай.

— Сведения, ваше благородие, отменные и проверенные.

— Не набивай цену, Елионский.

Псаломщик пододвинул стул поближе.

— Разрешите, по карте покажу, ваше благородие?

— Показывай!

— Так вот, приехал я отсюда. Здесь стык 29 и 30-й дивизий красных, причем стык почти не прикрыт. Вот здесь, по дороге на Медвежье, лес. Тут может свободно пройти эскадрон или сотня незамеченной. Эта дорога ведет к штабу второй бригады 29-й дивизии красных. Все части бригады ведут бои. А штаб сейчас прикрыт только взводом разведки и штабной командой. Можно, ваше благородие, его не только разгромить, но и захватить ночью, прямо с комиссарами. Я берусь провести.

— Прекрасно, Елионский. Если это так и операция удастся — награда тебе обеспечена. И погоны.

— Я готов, ваше благородие. Момент превосходный.

. . . . . .

Вечером кавалерийский эскадрон особого карательного отряда 2-й белогвардейской армии вышел рысью из Мокроусова. Впереди, рядом с капитаном Лисихиным, в дождевике, в надвинутой на глаза фуражке, ехал Елионский.

Штаб второй бригады 29-й дивизии располагался в пустовавшем поповском доме. Комбриг Николай Павлович

Захаров и комиссар Александр Алексеевич Юдин только что вернулись из передовых частей, пили чай и негромко разговаривали.

— Молодцы, кавалеристы. Завтра же надо написать о их боевых делах листовки и отправить во все подразделения и части бригады, да и в «Красном набате» об этом следует дать, — говорил Юдин.

Было уже за полночь, когда во дворе штаба щелкнул одинокий сухой револьверный выстрел. Комбриг, переглянувшись с комендантом штаба бригады, сказал:

— Товарищ Иванов, идите, проверьте, в чем дело?

Не успел Иванов выйти за дверь, как в коридоре раздался крик:

— Белые! Нас окружили!

Юдин первым выскочил в коридор, в руке он держал маузер.

Красноармейцы бросились за ним.

— Тащи скамейки, закладывай дверь!

Раздались выстрелы, посыпалась штукатурка с пола и стен. Но дверь забаррикадировать не удалось. Белые были уже в коридоре.

В темноте завязалась упорная рукопашная схватка. Люди не знали, где свои, где чужие. Юдин стрелял из маузера через окно во двор по кавалеристам, окружившим штаб. Рядом с ним был комбриг.

— Свяжитесь по телефону с полками, — приказал он.

— Нет связи, товарищ комбриг, — доложил телефонист.

— Отходите в угловые комнаты, а там в сад! — скомандовал Юдин.

— Передайте команде, Иванов, пробиваться через окна в сад, а сам немедля в кавполк, мигом, — комбриг не договорил. Дом вздрогнул от взрыва гранаты. Рядом упало несколько красноармейцев.

— Идите, товарищ комиссар, — настойчиво звал телефонист. Но Юдин стрелял. Вот по коридору пробежало еще несколько человек, один из них вполголоса попросил:

— Товарищ комиссар, идите!

Юдин, не оборачиваясь, ответил:

— Отступать в угловые комнаты! — и выстрелил в перебежавшего от дерева к дому белогвардейца.

— А вы как, товарищ комбриг, товарищ комиссар?

Снова взрыв. Волна отбросила его в глубь коридора. Колчаковцы ринулись из коридора во внутренние комнаты.

Очнулся Юдин от выстрела, который прогремел возле самого уха. Попытался встать на ноги, но тут же получил сильный удар

прикладом в грудь. Упал.

И вот они во дворе, окруженные белыми. Человек в дождевике и высоком картузе снует и снует среди пленных. Через плечо у него клинок, сбоку револьвер.

— Елионский, где тут комиссар?

— А вот он, господин капитан!

— Этот?

— Этот — комиссар Юдин.

— Обыскать.

Двое солдат начали шарить в карманах у Юдина.

— А это комбриг, господин капитан!

— А-а-а, это же бывший офицер!

Бешеный удар в зубы.

— Поручик, стройте эскадрон!

— Елионский, заберите документы! Быстро, быстро, господа!

Эскадрон спешно построился. Конница скрылась в лесу.

Между двумя кавалеристами шли комиссар и комбриг. Каратели торопили, беспрестанно хлестали пленных, матерно ругались. Они явно боялись погони. Сзади шел раненый комендант штаба бригады Иванов. От потери крови лицо его было мертвенно-бледным, ноги не слушались. Он еле-еле передвигался. А удары плетьми все сыпались и сыпались. Гимнастерка намокла от крови, в глазах — черные круги.

— Господин капитан, разрешите этого кокнуть? — сказал унтер, возглавлявший взвод.

Капитан вяло опросил:

— Который?

— А вон, во второй паре!

— Я бы их всех кокнул… Да вон тех птиц, — он показал на комиссара и комбрига, — велено доставить в полной сохранности. А этого? Этого можно в расход.

Раздался выстрел.

Рассвет. На лесной поляне сделали небольшой привал. Пленных окружили тесным кольцом и рассматривали, как диковинку. Вьюном вертелся среди офицеров Елионский. Колчаковскому холую казалось, что на плечах его сияют офицерские погоны, а в карманах звенят золотые.

Через день прибыли в Мокроусово.

Люди выходили из домов, а некоторые смотрели на проходящую колонну через заборы. А в середине колонны избитые, истерзанные, окровавленные пленники.

— И что это за хреновина, русские русских истребляют! — ругались старики, сидя на завалинках.

Некоторые смельчаки пытались подойти к пленным, но

каратели отгоняли их плетьми и громко орали:

— А ну, посторонись!

А шествие все двигалось и двигалось. Впереди пленных все так же шли комбриг Николай Павлович Захаров и комиссар бригады Александр Алексеевич Юдин. Лица обоих были в страшных кровоподтеках. Без ремней, без фуражек и босиком они шли по улицам Мокроусова, еле переставляя ноги.

Колонна двигалась к центру села, к дому, где находился штаб.

— Ну, вот, и до места, кажется, дошли, — тихо проговорил Юдин, поддерживая комбрига, — крепись, командир.

Их втолкнули в темный, сырой подвал. Там были люди. Юдин поздоровался. Вразнобой ответило несколько голосов. Это были пленные красноармейцы из 29-й дивизии. Они сразу узнали комиссара второй бригады и обступили его.

— Садитесь, товарищ комиссар, — освободив чурбан, единственное сидение в подвале, сказал один из них.

— Что же, товарищи, закручинились? — бодро спросил Юдин.

— Каждый день расстреливают, товарищ комиссар!

— Не горюй, браток, а за Советы, за революцию умереть не стыдно. На миру и смерть красна. Правильно, товарищ комбриг? — обратился комиссар к Захарову.

— Правильно, Александр Алексеевич! Одного только простить себе не могу: резерв возле штаба бригады придержать надо было. Тогда не случилось бы этого.

Под вечер массивная железная дверь отворилась, и белогвардеец в черной папахе рявкнул:

— А ну, кто комиссар Юдин, выходи!

Александр Алексеевич подошел к Захарову, поцеловал его в разбитые губы.

— Прощай, командир, прощайте, товарищи! — вышел за дверь. Его провели во флигель.

В маленькой комнатушке за столом сидел полковник Бугров.

— Садитесь, господин Юдин, так, кажется, вас зовут? Нас интересует один вопрос, от ответа на который зависит ваша жизнь, Юдин. Покажите расположение вашей Третьей армии, базы снабжения, расположение штабов 29 и 30-й стрелковых дивизий. Это для вас большого труда не составит.

— Только и всего? Тогда, пожалуйста. Все штабы находятся по ту сторону фронта, а в штабах готовится вам гибель…

Полковник Бугров побагровел от злобы, а Юдин продолжал:

— Запомни, господин полковник, раз и навсегда запомни: пощады я просить у тебя не буду, предателем быть не собираюсь.

Разговор считаю законченным.

Юдина повели к другому дому, расположенному в глубине двора, у конюшен. Александр Алексеевич осмотрелся кругом: не двор, острог. Если удастся бежать — за стены не выберешься.

Вошли в дом. В комнатах пахло винным перегаром. В воздухе стоял табачный дым.

— А-а, комиссар пожаловал. Ну, со мной разговор особый будет, — проговорил пьяно офицер. — На вопросы отвечай кратко и ясно. Понял?

Юдин молчал. Он узнал капитана, возглавлявшего эскадрон карателей.

— Где штаб армии?

— Я отвечать не буду.

— Не будешь, гад! — капитан ударил комиссара чем-то тяжелым. Юдин упал.

Очнулся весь мокрый, с тяжелым звоном в голове.

Солдат поднял Александра Алексеевича и посадил на табурет.

— Будешь говорить, господин комиссар?

Юдин молчал. Мысли его были далеки от происходящего. Он вспомнил себя мальчишкой. Свою родную деревеньку Васильки. Вспомнил флот. Прошло полжизни, а может быть, и вся жизнь. И вся жизнь — трудная, холодная, неласковая. Зато создан полк «Красные орлы», зато гордо реет над Родиной красный флаг. За это он, Юдин, не пожалеет своей жизни. Не пожалеет.

— Молчишь, комиссар?

И снова зверские, дикие удары.

Поздно вечером избитого в кровь Юдина втолкнули в подвал.

Ночью вызвали на допрос комбрига Захарова.

Когда его приволокли обратно, он не мог говорить: кровь шла через нос, рот, уши. Под утро комбриг, крепко сжав руку комиссара, тихо сказал:

— Прощай, Александр. Не чаял, что свидимся. Я умираю… Сволочи, из меня предателя хотели сделать, не вышло…

Больше ничего не сказал Николай Павлович Захаров, бывший офицер старой русской армии, орденоносец[34], командир бригады 29-й стрелковой дивизии красных. Кровь хлынула у него горлом.

На рассвете комбриг умер.

. . . . . .

В полдень дверь вновь отворилась.

— Юдин, на выход!

Александр Алексеевич подошел к мертвому командиру, наклонившись, поцеловал его в холодный лоб. Потом обратился к

оставшимся в подвале красноармейцам:

— Прощайте, товарищи, не трусьте. Уж если умирать, так героем. Лучше смерть, чем предательство.

Красноармейцы молча жали ему руку. Они прощались со своим любимым вожаком, уходящим на смерть. И сейчас, избитый и окровавленный, он находил в себе силы улыбаться, подбадривать людей.

— Быстро! — рычал офицер.

Комиссар вышел на волю. Яркое осеннее солнце ослепило его. Перед подвалом стоял взвод солдат.

Подошел капитан.

— Ну, что, Юдин, одумался?

— Веди, гад, и знай: большевики смерти не боятся.

Капитан отошел, сказал что-то щербатому офицеру. Тот построил взвод в колонну по два. В середину поставили комиссара. Процессия вышла из ворот Кетовского дома и направилась к площади.

Около церкви толпился народ. Комиссара подвели к телеграфному столбу. Сверху свисала веревка. Подошел Елионский.

— Не узнаешь?

— Узнаю.

— Будь благоразумен.

— Отойди, сволочь!

Юдин заговорил громко, на всю площадь:

— Товарищи! Враг беснуется, и в этом его слабость. Скоро Красная Армия освободит ваше село. Бейте беляков, помогайте Красной Армии. Да здравствует Советская власть!

Двое солдат торопливо накинули на шею комиссара веревку. Щербатый офицер подбежал к столбу, ухватился за конец веревки, дернул ее на себя.

— Отомстите за нас, товарищи! — успел еще крикнуть Юдин.

Люди, стоявшие поблизости, попятились, побледнели, у многих на глазах блестели слезы.

Все было кончено.

— Разойдись! — зычно орали солдаты, разгоняя крестьян.

Люди расходились, с опаской и затаенной злобой поглядывая на палачей. Рядом с Юдиным был повешен и мертвый Захаров.

Сутки висели тела комиссара и командира на площади. Только на вторые четверо мужиков по приказу штаба подъехали к столбу и отвязали веревки. Тела отвезли в каменную кладовую, что стояла за церковью, а на следующий день вместе с другими расстрелянными красноармейцами закопали в общую яму.

. . . . . .

26 октября 1919 года село Мокроусово было освобождено от колчаковцев частями 30-й стрелковой дивизии.

Около братской могилы состоялся митинг. Выступали бойцы, командиры, комиссары, выступали пламенно, горячо, клялись отомстить врагам за смерть товарищей, командира и комиссара.

Потом прозвучал троекратный ружейный салют.

Через день красноармейцы ушли дальше на восток.

Маршал Советского Союза Ф. И. Голиков посетил село Мокроусово Курганской области, где погиб его боевой друг А. А. Юдин.

* * *

Изведала тяжесть застенков и жена Александра Алексеевича Юдина — Мария Ивановна. Вернувшись после разгрома Колчака в Курган, она работала заведующей детским домом в Введенке, была активисткой в местной партийной организации. В феврале 1921 года на Введенку налетели банды кулацко-эсеровских мятежников. Вместе с группой коммунистов-Мария Ивановна была расстреляна.

Вот что написала о гибели Марии Ивановны племянница А. А. Юдина Л. Живкова:

«Озверевшие бандиты окружили школу, где шло собрание. Захватили семь человек коммунистов и

сочувствующих партии. Я не могу без содрогания вспоминать эту картину. Совершенно голые люди маленькой группкой шли по снегу. Среди них женщина, избитая в кровь, с распущенными, смерзшимися от крови косами. Это была она, моя любимая тетя Маша. Маленькая, но смелая. Она пела песню: «Смело мы в бой пойдем за власть Советов».

Да, дорогой ценой была завоевана наша родная Советская власть!

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАКО — Государственный архив Курганской области.

СПА — Свердловский партийный архив.

ГАТОТ — Государственный архив Тюменской области в Тобольске.

ЦГАСА — Центральный государственный архив Советской Армии.

ПАКО — Партийный архив Курганского обкома.

notes

Примечания

1

Паужина — ранний обед.

2

«Тобольские губернские ведомости», 14 августа 1894 года.

З

Кулага — старое крестьянское блюдо из солода.

«300 лет Кургану». Курган, 1962, стр. 47.

5

Мясоед — период осени, когда в селах забивают скот.

«Сибирские вопросы», 1910, № 4; 1911, № 12.

«Очерки истории Курганской области». Челябинск, 1968, стр. 169, 171, 174.

8

«Очерки истории Курганской области». Челябинск, 1968, стр. 177.

9

Государственный архив Тюменской области в Тобольске (ГАТОТ), ф. 159, д. 182, л. 15.

10

Двоедан — староверец.

Перерод — недовызревание из-за изобилия тепла и влаги.

«Сибирские вопросы», 1912, № 25, стр. 36—38.

13

ЦГАСА, ф. 164, оп. 291.

14

ЦГАСА, ф. 161, оп. 291.

15

ЦГАСА, ф. 164, оп. 29 пур.

16

ЦГАСА, ф. 164, оп. 291.

ЦГАСА, Послужной список № 1366-и.

18

С. С. Глебов. «Победа Советской власти в Южном Зауралье», 1961, стр. 99.

19

ЦГАСА, ф. 164, оп. 292.

20

«Очерки истории Курганской области». Челябинск, 1968, стр. 234—236.

21

«Очерки истории Курганской области». Челябинск, 1968, стр. 235.

22

«Красный набат», 31 августа 1919 года.

23

Ф. И. Голиков. «Красные орлы», М., 1959, стр. 39—40.

Л. А. Дудин. Немеркнущие боевые традиции. — «Советское Зауралье», 1961, 21 июля.

25

Л. А. Дудин. Герой гражданской войны Ф. Акулов. — «Блокнот агитатора», № 13, 1967, стр. 15—20.

Н. Баженов, Л. Дудин, А. Мясников, А. Полуяхтов. Под знаменем ВЦИК. М., Воениздат, 1963, стр. 152.

27

ЦГАСА, ф. 164, д. 291.

Ф. И. Голиков. «Красные орлы». М., 1959, стр. 73.

29

П. Бажов. «Бойцы первого призыва». Свердловск, 1958, стр. 123.

30

П. Бажов. «Бойцы первого призыва». Свердловск, 1958, стр. 201.

31

Ф. И. Голиков. «Красные орлы», М., 1959, стр. 136.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 146.

33

«Этих дней но смолкнет слава». — «Ленинский путь», 1958, № 46.

34

ЦГАСА, ф. 197, оп. 3, д. 498.